

Е. И. ПИВОВАР

ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Предпосылки,
становление,
развитие

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

Ефим Пивовар

**Евразийский интеграционный
проект: предпосылки,
становление, развитие.
Глобальные процессы на
постсоветском пространстве**

«Алетейя»

Пивовар Е. И.

Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие. Глобальные процессы на постсоветском пространстве / Е. И. Пивовар — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-14-0

Книга известного российского историка Пивовара Ефима Иосифовича, члена-корреспондента РАН, президента Российского государственного гуманитарного университета, посвящена комплексному анализу зарождения и реализации евразийской интеграционной идеи на постсоветском пространстве в 1991–2019 гг. В работе на основе широкого круга источников и научной литературы рассматриваются основные этапы становления евразийского интеграционного проекта, вплоть до создания и развития Евразийского экономического союза.

ISBN 978-5-907189-14-0

© Пивовар Е. И.

© Алетейя

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евразийская интеграция в турбулентном мире

К 90-летию Института экономики Российской академии наук

Введение

Приближается десятилетие с момента начала работы Таможенного союза и формирования интеграции нового поколения на постсоветском пространстве. Работа над новым интеграционным проектом началась в 2007 г., с момента образования Комиссии Таможенного Союза.

Становление проекта происходило и происходит в неблагоприятных внешних условиях. Раскол постсоветского пространства по интеграционным и внешнеполитическим приоритетам, геополитический конфликт России и Запада, неустойчивая динамика глобальной экономики, волатильность цен на углеводороды – все это затрудняло взаимопонимание между партнерами, ограничивало интеграционные инициативы, тормозило принятие решений.

На современном этапе развитие глобальной экономики происходит на фоне высокой степени неопределенности и изменчивости внешних условий для отдельных стран и регионов. Стремительно меняющаяся конъюнктура на мировых топливно-сырьевых рынках, формирование крупных трансрегиональных экономических партнерств, замедление темпов роста мировой экономики и наращивание внешней задолженности стран, протекционистская политика и торговые войны, повышенная волатильность на мировых финансовых рынках – все эти факторы имеют серьезные последствия для мировой экономики. Последние годы свидетельствуют о постепенной утрате международной торговли товарами функции главного драйвера мирового развития и усиление ее у торговли услугами.

Растущие риски от возрастающей неопределенности развития мировой экономики несут прежде всего страны с формирующимся рынком, к которым относятся государства Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Они проявляются в противоречиях между странами вокруг традиционной проблемы для интегрирующихся стран: кто выиграл от интеграции, а кто проиграл. Конкретно же экономические противоречия стран-участниц связаны с разными формами поддержки ими своих производителей, несовпадающими интересами в вопросах защиты общего рынка, неодинаковыми уровнями налогов и сборов, разным пониманием сути общего рынка и принципов ценообразования на нем, несогласованной валютно-курсовой политикой.

Немалый ограничительный вклад в развитие интеграционного процесса вносят структурные особенности экономик стран-участниц, которые выражаются в таких концептуальных представлениях, как «ловушка среднего дохода» и «сырьевое проклятие».

Тем не менее, ЕАЭС сегодня является ядром интеграции на постсоветском пространстве. С ним связаны надежды на модернизацию экономики стран-участниц и реализацию национальных интересов в экономическом развитии. В «Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г.», утвержденных в октябре 2015 г., подчеркивается, что цель экономического развития Союза – «обеспечить качество и устойчивость экономического роста государств-членов в результате интеграции»¹. Другой стимул евразийской интеграции – стремление ее стран-участниц повысить свою конкурентоспособность и устойчивость к внешним шокам.

Евразийская интеграция представляет собой один из вариантов развития группы внутри-материковых стран, удаленных от главных международных рынков. Это альтернатива модели развития под протекторатом ЕС или других мировых и региональных центров.

В основе модели евразийской интеграции лежал опыт ЕС, однако в ходе ее создания она сильно отошла от прототипа. В ней преобладает национальный уровень управления, необязательна унификация национальных институтов госуправления, она предполагает большое число

¹ См.: Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2015. С. 4.

изъятий из таможенных установлений и сохранение большого числа нетарифных ограничений для взаимной торговли, а также членство в ВТО стран ЕАЭС на разных условиях. Действующая модель интеграции, по существу, представляет собой баланс между объективной необходимостью интеграции и объективными же ограничениями для нее.

Среди ограничений интеграции следует выделить резкое преобладание российского рынка и российской экономики в ЕАЭС. Такие различия в размерах экономики неизбежно заставляют страны с небольшими экономиками думать о сохранении экономического суверенитета. Большие проблемы для стран-участниц создает «постсоветский синдром» – боязнь разрушительных для национальной экономики последствий взаимозависимости, с которыми столкнулись страны в результате распада СССР.

Страны-участницы сильно различаются по макроэкономическим параметрам развития, что продуцирует разные интересы и ожидания от интеграции. Важным отличием являются несовпадающие задачи национального развития. Россия стремится укрепиться в статусе великой мировой державы, а ее партнеры – сохранить суверенитет и обеспечить устойчивое развитие. Страны ЕАЭС сильно различаются по уровню рыночной трансформации экономики, степени вмешательства государства в экономику, ее монополизации и свободы предпринимательства. В итоге модель ЕАЭС несет в себе элементы как рационального экономического поведения, так и несовпадения ценностных ориентиров стран-участниц.

Эти обстоятельства, как правило, не учитываются при оценке эффектов евразийской интеграции. Неудачи и трудности, которые неизбежно возникают, как правило, объясняют политикой России², забывая о том, что ЕАЭС – результат коллективного творчества. В рамках ЕАЭС созданы и постоянно совершенствуются институты сотрудничества, отражая интересы стран-участниц³ и условия их реализации.

В коллективной монографии подводятся некоторые итоги, связанные с реализацией евразийского интеграционного проекта, анализируются возникающие проблемы, ограничения и возможности, оцениваются эффекты ЕАЭС в сопоставлении с ожиданиями от интеграции, а также ее возможные перспективы. Исследование показало, что углубление интеграционного процесса непосредственно зависит от формирования в странах-членах своего рода интеграционной идентичности. Ее формирование сдерживают как внешние воздействия (неустойчивая глобальная конъюнктура, геополитическая борьба ведущих глобальных игроков и др.), так и стремление стран сохранить и укрепить свой суверенитет. Успех или неудача евразийской интеграции могут повлиять на формат и ход реализации продвигаемого Россией более крупного проекта Большого евразийского партнерства, а также на формат участия в китайском мегапроекте «Один пояс – один путь».

При работе над настоящим материалом авторы опирались на ранее проведенные в Центре постсоветских исследований аналитические работы, итоги которых были подведены во втором томе издания «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» под общей редакцией С.П. Глинкиной, вышедшего в свет в 2017 г. под названием «Постсоветские государства».

Монография выполнена сотрудниками Центра постсоветских исследований в рамках тем государственного задания «Новые тренды социально-экономического развития постсоциалистического мира в условиях современных геополитических вызовов» и «Российский фактор в социально-экономическом развитии стран “пояса соседства”».

Авторский коллектив: д.э.н. Л.Б. Вардомский (отв. редактор, введение, гл. 4), д.э.н. Л.З. Зевин (гл. 1), к.э.н. Т.В. Соколова (составитель текста, гл. 2), к.э.н. А.Г. Пылин (гл. 3 и 12), д.э.н. А.А. Мигранян (гл. 5 и 8), д.э.н. Б.А. Хейфец (гл. 6), к.э.н. А.В. Шурубович (гл. 7), д.э.н. М.О. Тураева (гл. 9), Л.В. Фокина (гл. 10), д.полит.н. З.А. Дадабаева (гл. 11).

² Иноземцев В. Что не так с евразийской интеграцией // РБК. 2019. 13 февр. С. 5.

³ См.: Евразийский экономический союз / Отв. ред. Е.Ю. Винокуров. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 62–101.

Глава 1

Евразийское экономическое пространство в контексте мирового интеграционного опыта ⁴

Евразийская идея и меняющийся миропорядок

Традиционное евразийство, применяя современную терминологию, было явлением регионального уровня и выражалось в противопоставлении Северной Азии Западу и Центру Европы, православия – католицизму и протестантству. Толерантные представители традиционного евразийства, оппонировав Западу, допускали и возможность определенного сотрудничества с ним⁵.

Неоевразийство рассматривает себя противником глобализма, «демократической империей» – Периферией, противостоящей развитому Центру. В манифесте Международного Евразийского Движения, «Евразийский Общий Дом» говорится, что евразийский диалог – отражение человеческой культуры. Иначе говоря, неоевразийство подобного рода выходит не только за региональные, но и за континентальные границы⁶.

Традиционные и постсоветские идеи евразийства исходят из сохранения целостности территории Евразии⁷. Огромный вклад в теорию и практику современного евразийства внес Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. После распада Советского Союза единство территории нарушено: на нем расположены 15 новых независимых государств, несколько непризнанных государственных образований, стремящиеся в Евросоюз Украина и Молдавия, покинувшая СНГ Грузия. Идет разрушение столпов, поддерживающих традиционное и современное евразийство. Возникает новая трехзвенная конструкция «Запад – Россия, ЕАЭС, СНГ – Восток», которая по масштабам деятельности и ее содержанию существенно отличается как от традиционного, так и современного евразийства.

Позиционирование России в этой новой конструкции требует переосмысления концепции евразийства при сохранении в ней задачи максимально возможного сплочения евразийского пространства и расширения взаимодействия с Западом и Востоком без потери новой региональной идентичности. Очевидно, придется отказаться от претензий концепции евразийства на лидирующую роль региона Евразии в обустройстве мира. Предстоит *найти оптимальное, с позиций его интересов, место региона в системе международных отношений и возродить себя в качестве одного из центров экономической и геополитической мощи*. Движение в данном направлении отвечает объективным тенденциям мирового хозяйства: создаются условия защиты от однополярного мира и гегемонии одной державы.

США не могут смириться с угрозой потери своих доминирующих позиций. Поэтому они препятствуют любым попыткам укрепления связанности евразийского пространства. Хиллари Клинтон заявляет: «Новый СССР может быть создан под новыми названиями – Таможенный союз или Евразийский союз» ... Давайте не делать ошибок. Мы знаем, что является целью, и

⁴ Глава подготовлена на основе доклада: Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. М.: ИЭ РАН, 2015.

⁵ Подробнее см.: Евразия в поисках идентичности. М.; СПб: Нестор-История, 2011. Гл 11.

⁶ Подробнее см.: Евразийская миссия (программные материалы). Москва, 2005.

⁷ Имеется в виду территория Российской империи, Советского Союза и СНГ.

мы попытаемся найти эффективный способ для замедления или предотвращения этого процесса»⁸.

В складывающейся конструкции, где Китай и Европа станут опорными столпами, слабо структурированный регион Евразии может стать транзитным связующим звеном. На этой огромной территории возникнет новый международный регион. Для России важно не остаться в нем только транзитером. Чтобы избежать подобной участи, ей необходимо продолжить политику привлечения колеблющихся стран Евразии, некоторых внерегиональных государств к сотрудничеству. Первостепенной задачей является сотрудничество ЕАЭС с Вьетнамом и Индией. Оба эти государства нуждаются в поддержании роста промышленного производства и его диверсификации, что создает обширную сферу сотрудничества в решении однотипных задач. Кроме того, сближение с этими государствами позволит избежать чрезмерной зависимости от одного из участников «триады». Россия и ЕАЭС смогут оставаться субъектами системы международных экономических отношений при условии ориентации как на Восток, так и на Запад Евразийского континента. XXI в. становится свидетелем соперничества двух видов интеграции, где участники и сухопутного, и океанического варианта через глобальные сети и многослойные торгово-экономические альянсы многократно пересекаются.

Успех соперничества зависит от страны-лидера, которой приходится проявлять инициативу в решении общих проблем объединения и даже всего региона. Главное требование к лидеру – способность посылать импульсы развития другим участникам интеграции и поясу соседства, не используя при этом доминирующие позиции исключительно в своих интересах. Реальная ситуация современной России не позволяет ей выполнять в полной мере эту функцию, но она сможет остаться лидером объединительного процесса в Евразии при соблюдении двух условий: четкого определения парадигмы собственного развития и предложения на взаимовыгодных условиях сотрудничества с другими странами в рамках программ модернизации их экономики.

На мощный натиск глобализма мир – для восстановления нарушенного баланса – ответил встречной волной регионализма. *XXI в. будет веком регионализма, формирования нескольких центров развития, широкого применения в мировой торговле национальных валют и расширения их конвертируемости.*

Глобализм несколько сдает свои позиции и трансформируется: главными формами проявления этого процесса станет появление новых сетевых цепей – производственных, сбытовых, сервисных, информационно-технологических и др. Сети могут функционировать как в глобальных, так и в региональных системах, поддерживать взаимоприемлемый баланс между ними.

В настоящее время сложилась сложная ситуация с обсуждающимися проектами межрегиональной трансокеанической интеграции. В принципе два трансокеанических соглашения о партнерстве могли бы стать связующим звеном между глобализмом и регионализмом, но уже с первых шагов разработчиков обоих проектов становится ясно, что они озабочены не созданием такого звена, а укреплением позиций развитого сектора мирового хозяйства. Закулисный подход к обсуждению проектов, попытки создать режим ускоренного и упрощенного подхода к их одобрению Конгрессом США, скудная дозировка информации об их содержании вызывают критику не только антиглобалистов, но и видных западных ученых.

Нобелевский лауреат Пол Кругман придерживался мнения, что разнородная группа стран, готовящихся к членству в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), вряд ли сможет обеспечить более свободный доступ по сравнению с европейской моделью и полагал, что «... нельзя утверждать, что ТТП способно увеличить доходы входящих в него стран более чем на какую-то

⁸ Кловвер Ч. Клинтон обещала не допустить новый Советский Союз // Россия сегодня. 2012. 8 дек. inosmi.ru/politic/20121208/203094353.

долю процента»⁹. Стремление продать проект объяснялось прежде всего интересами США по защите интеллектуальной собственности, патентов и авторских прав. Пол Кругман заканчивает статью «Транстихоокеанская сделка: мало выгод – много вопросов» словами: «Это подводит меня к завершающему вопросу: зачем конкретно администрации Обамы вкладывать какой бы то ни было политический капитал в эту сделку»¹⁰.

На этом фоне происходит противоречивый процесс евразийской интеграции, в который, по мнению автора, в той или иной мере вовлечено все постсоветское пространство, занимающее более 40% территории географической Евразии.

Об условиях осуществления евразийского интеграционного проекта

Два разнонаправленных процесса – глобализация и фрагментация – определяют развитие пространства бывшего СССР. Первый реализуется в формате мировых финансовых рынков, ТНК, различного рода международных сетей, второй – в национальных формах организации и управления экономической деятельностью. В современных условиях важнейшими факторами, определяющими положение региона в мировом хозяйстве, является уровень развития региональной экономической интеграции и степень связанности участников хозяйственной деятельности.

Российские исследователи И. Гурова и М. Ефремова¹¹ в статье «Конкурирующие теории региональной экономической интеграции: сравнительный анализ» предлагают вести анализ по двум направлениям: интеграция в целях повышения эффективности национальной экономики и интеграция в целях ее роста. По мнению авторов, условиям постсоветских стран в большей степени соответствует интеграция в целях развития.

Представляет интерес подход российского исследователя С.К. Песцова к оценке интеграционных проектов. Он считает, что эффективной может считаться модель региональной экономической интеграции, способная к развитию в долгосрочной перспективе. «В качестве одного из возможных критериев эффективности (успешности) групповых объединений... может выступать срок активной жизнедеятельности (подчеркнуто мною. – Л.З.), продолжительность которого свидетельствует о прочности и устойчивости складывающихся взаимосвязей»¹².

К этому подходу следует добавить еще одно важное условие, при котором возможен старт региональной интеграции. Необходимость подобного подхода подсказана мировым опытом. ВТО нотифицировала порядка 600 региональных торговых соглашений, но половина из них не функционирует, а в подавляющем большинстве действующих группировок внутренняя консолидированность настолько низка, что исключает положительное интеграционное движение, оставаясь лишь методом сближения условий торговли и защиты от неблагоприятных внешних воздействий.

Применение предложенных критериев и показателей позволит анализировать развитие региональной экономической интеграции как растянутый по времени процесс и фиксировать степень его продвижения к декларируемым целям.

Используемые в настоящее время оценки региональной интеграции на евразийском пространстве отражают, прежде всего, текущее состояние экономики стран-участниц и, в меньшей

⁹ Кругман П. Транстихоокеанская сделка: мало выгод – много вопросов // Независимая газета. 2015. 23 марта. С. 5.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гурова И., Ефремова М. Конкурирующие теории региональной экономической интеграции: сравнительный анализ // Власть. 2013. № 8. С. 35–38.

¹² Песцов С.К. Современный международный регионализм: сравнительный анализ теорий и практики регионального сотрудничества и интеграции: Автореф. дис. ... д-ра полит. н. СПб: СПбГУ, 2006.

степени, динамику самого интеграционного процесса и его влияния на национальную экономику.

Политика США, использовавших глобализацию в собственных интересах, сыграла с ними злую шутку. Сама природа глобализма антицентрична: он не может успешно развиваться без масштабного взаимодействия с развивающейся периферией, часть которой вырывается из тупика догоняющего развития и начинает теснить США во многих областях мировой экономики.

Мы становимся свидетелями возникновения и укрепления нового явления – региональной идентичности. Ее природа многогранна: с одной стороны, она консолидирует позиции заинтересованных стран по отношению к глобальным структурам и процессам, а с другой – формирует максимально возможный бесконфликтный комплекс национальных интересов разного рода: этнических, государственных, конфессиональных, языковых, образовательных, региональной безопасности. В то же время осознание региональной идентичности способствует стабилизации многополярного мира, снижая вероятность возрождения однополярности и биполярных структур.

Более сложная ситуация складывается в ЕАЭС – проекте с большим внутренним и внешним потенциалом. Его стартовый период совпал с конфликтной ситуацией в Украине, санкциями Запада и новой волной мирового экономического кризиса. Реакция постсоветского пространства на глобальные вызовы, наряду с общими характеристиками для периферийных регионов, имеет ряд существенных отличий.

Во-первых, советские республики представляли собой части единого народнохозяйственного комплекса, т.е. их экономическое взаимодействие было более тесным, чем на самых высоких ступенях межгосударственной интеграции.

Во-вторых, Советский Союз (равно как СЭВ в целом) поддерживал постоянные отношения с большой группой развивающихся государств, оказывая им экономическую помощь и техническое содействие. В конечном счете в мировом хозяйстве сформировалось специфическое направление международного разделения труда, обеспечивавшего взаимную выгоду участникам с различным уровнем экономического развития. К сожалению, пренебрежение накопленным опытом не позволило использовать этот ресурс в интеграционном строительстве на постсоветском пространстве.

В-третьих, у руководства России и ряда других стран СНГ возникла иллюзия, что эти особенности и опыт международного сотрудничества государств с различными уровнями развития и социальным устройством дадут возможность сравнительно легко и безболезненно реформировать постсоветское пространство (ПП) в принципиально иной глобальной среде. К сожалению, несмотря на неудачу предыдущих интеграционных проектов, у части руководства России и других новых государств сохраняется надежда на возможность продолжения подобного подхода. При этом не принимается во внимание тот факт, что в условиях нерешенных проблем переход к Таможенному союзу и ЕАЭС многократно увеличивает как количество, так и масштаб подлежащих решению задач.

В-четвертых, не был тщательно изучен мировой опыт регионализации и региональной интеграции: интеграционный процесс возникает и развивается в периоды сравнительно устойчивого экономического роста и улучшения политических, культурных и других региональных связей, тогда как в СНГ он был инициирован в период начавшегося распада очень крупной и сложной государственной структуры, разрыва межреспубликанских хозяйственных связей и серии конфликтов, кульминацией которого стала гражданская война в Украине.

Эта специфика, на наш взгляд, служит главной причиной череды неудач проектов консолидации евразийского пространства (регионализации) и формирования на нем интеграционных структур (регионализма).

Определенные трудности на пути региональной интеграции связаны с конфигурацией постсоветского пространства – наличием большой группы небольших и средних по размеру стран и одной очень крупной, территория и экономический потенциал которой намного превышает суммарные показатели остальных стран региона, а также с традиционно сложившейся системой управления (абсолютная монархия, руководящая роль КПСС, авторитаризм).

Интеграционные проекты подобной конфигурации могут формироваться на основе успешного развития государства – регионального лидера, привлекательности его емкого рынка, финансовых и технических возможностей для других участников. В 90-е гг. прошлого века такие условия на ПП отсутствовали. Более того, элиты (часто и руководители) испытывали аллергию на Россию – правопреемницу Советского Союза – из-за искажений национальной политики и массовых репрессий, проводившихся в советские времена.

Интеграционные группировки с ярко выраженной доминирующей страной отличаются рядом особенностей по сравнению с объединениями группы национальных экономик, близких по размерам и уровням развития. Они с опаской относятся к наднациональным механизмам регулирования, принятию обязывающих условий, единой внешнеэкономической политике, боясь растворения и даже поглощения более мощной экономикой соседа, потери национальной идентичности. Исключительно важную роль играет последовательная и взвешенная политика страны – регионального лидера и его международная конкурентоспособность.

За два десятилетия Россия неоднократно меняла отношение к организации ПП, предлагая широкий спектр проектов, включающий (без соблюдения последовательности, преемственности и учета наличных ресурсов) все стадии межгосударственной интеграции. Возникла парадоксальная ситуация: на государственном уровне провозглашалась приоритетность отношений со странами ПП, а естественные шаги этих стран по укреплению своей международной конкурентоспособности воспринимались российскими СМИ и общественным мнением (да и в правительственных кругах) как недружественные.

Подобные колебания и неопределенность в сочетании с уменьшающейся привлекательностью России как эффективного организатора экономического пространства СНГ, источника технологических, финансовых и интеллектуальных ресурсов, производственного опыта и образца социальной справедливости существенно снижают интеграционные возможности региона.

ЕАЭС как отражение особенностей региональной интеграции стран мировой периферии

Постсоветское пространство остается фрагментированным, заявленные в 1990-е гг. интеграционные проекты были не способны преодолеть внутренние центробежные силы и внешние влияния. Унаследованный от советского времени консолидирующий и интеграционный потенциал ПП в сложившихся условиях ослабевает. За период с 1995 по 2007 гг. доля внутрирегионального экспорта сократилась в 1,5 раза – с 28,4 до 18,9% – при одновременном росте доли СНГ в мировом экспорте в 1,48 раза – с 2,5 до 3,7%¹³.

В дальнейшем, до кризиса 2014–2015 гг., он оставался примерно на том же уровне, а после событий в Украине продолжил снижение. Это ухудшение совпало по времени с подготовкой и стартом нового проекта евразийской интеграции (ЕАЭС). Сложившийся уровень экономической связанности, судя по мировому и опыту постсоветского пространства, может обеспечить старт и дальнейшее вялое развитие интеграционного объединения, но его недостаточно для создания в Евразии центра экономического развития, способного вовлечь в активное интеграционное движение всю территорию региона.

¹³ Рассчитано по: World Trade Developments и Содружество Независимых Государств: Стат. сб. за соответствующие годы.

Поэтому в ближайшие годы следует определить необходимые условия для максимально возможного увеличения емкости внутрирегионального рынка с тем, чтобы в долгосрочной перспективе превратить пространство евразийской интеграции в одно из системообразующих звеньев мирового хозяйства. Главное различие между системообразующими и «ведомыми» регионами заключается в способности первых опираться преимущественно на внутренние ресурсы и свой региональный рынок, участвуя в качестве субъекта международных экономических отношений. «Ведомые» регионы отличает слабая внутренняя связанность (connectivity), сильная торговая и инвестиционная ориентация на третьи страны и зависимость от внерегиональных ресурсов и партнеров.

По нашему мнению, системообразующей может считаться территория, способная преодолеть интеграционный порог, поддерживать процесс региональной интеграции и укреплять позиции региона в международном разделении труда¹⁴.

Подобным требованиям отвечают четыре международных региона: Европа (2,7 в 2005 г. и 2,23 в 2012 г.), Азия (1,04 и 1,18), Северная Америка (1,27 и 0,98), Южная и Центральная Америка (0,33 и 0,37). Характерно, что США и Западная Европа в международной торговле делают упор на рынки за пределами своей территории, а Азия, Центральная и Северная Америка укрепляют экономическую связанность путем повышения емкости собственных внутренних рынков. Прослеживается и другая закономерность. Позиции в мировом экспорте коррелируют с уровнем внутренней консолидированности региона: первые четыре самых консолидированных региона заняли первые четыре позиции в мировом экспорте. Эти регионы являются флагманами интеграционных движений современного мира.

Остальные три региона – Ближний Восток, Африка и СНГ – пока не достигли интеграционного порога. Первые два региона за рассматриваемый период несколько повысили внутреннюю связанность, в СНГ она оставалась до 2013 г. на уровне 18%, а после событий в Украине существенно снизилась. Низкий уровень связанности, слабая региональная инфраструктура, низкий уровень и однобокость развития – главные препятствия на пути к интеграции и идентификации этих регионов в качестве системообразующих структур мирового хозяйства.

Возникает вопрос: возможна ли интеграция в регионах со слабой внутренней связанностью и не достигших интеграционного порога? Мировая практика дала на него положительный ответ и объяснила причины внешне кажущегося противоречия. Дело в том, что региональная интеграция не является чисто экономическим процессом. Во-первых, решение дать старт интеграции принимают политики и исполнительная власть; во-вторых, принятие такого решения становится возможным при наличии поддержки значительной части общества будущих партнеров (социальный фактор); в-третьих, мотивация к объединению опирается на исторический опыт общения и культурно-цивилизационные связи; в-четвертых, существует потребность в укреплении национальных геополитических позиций через интеграцию.

Низкий и/или средний уровень развития порождает характерную черту их интеграции: для создания крупного регионального объединения обычно необходима инициатива страны, экономический потенциал которой существенно превышает потенциал любого другого участника и часто – даже совокупный потенциал последних.

На эту особенность обратила внимание Диана Тусси¹⁵. Она отмечает, что часто один из участников определяет процесс в регионе и делает это не только для сохранения своих лиди-

¹⁴ Интеграционный порог достигается, когда экономическая связанность между партнерами составляет не менее 25% общего объема их экспорта (товарооборота). В экономической литературе принято считать, что подобный уровень связанности создает взаимную заинтересованность в поддержании и развитии стабильных отношений. При таком подходе интеграционный порог равен 0,33 (25 : 75). См.: *Michael M.* Trade Preferential Agreements in Latin America: An-Ante Assessment // Policy Research Working Paper N 1538. World Bank, 1966; *Martin J.K., Tsangarides C.* Trade Reform in the CEMAK: Developments and Opportunities // IMF Country Report No. 06/309. Washington D.C.: IMF, 2006.

¹⁵ *Diana Tussie.* Latin America: contracting motivations for regional projects // Review for International Studies. 2009. Vol. 35. Supplement 51, February. Pp. 169–188.

рующих позиций, но и для создания глобального прецедента. Возникает проблема формирования нового баланса интересов между лидером и другими региональными участниками.

В настоящее время процесс региональной интеграции распространился практически на все периферийные регионы. К числу наиболее крупных интеграционных структур относятся: МЕРКОСУР в Латинской Америке, АСЕАН в Юго-Восточной Азии, СААРК в Южной Азии, ЕАЭС – на стыке Европы и Азии; в Африке – к югу от Сахары – ЮАР объединила несколько небольших стран. Анализ деятельности этих структур позволяет сделать важные теоретические и практические выводы.

Бурное развитие разноформатного регионализма (как и другие новейшие тренды в мировом хозяйстве) убеждает, что интеграция стран периферии отнюдь не обязательно должна повторять схему объединения развитых стран. Последние делают упор на освоении внешних рынков за пределами своей территории, а первым, прежде всего, необходимо увеличивать и диверсифицировать производство, укреплять экономическую связанность своей территории. Эти различия должны влиять на выбор модели развития, механизмов и инструментов регулирования экономических процессов объединения и курса по отношению к внешнему миру.

Регионы с низкой внутренней связанностью экономики и слаборазвитой региональной инфраструктурой способны запустить интеграционный процесс и обеспечить работу созданного объединения на начальной стадии его жизни. Начальной стадией мы считаем период вступления в силу межгосударственных соглашений об интеграции и перевод экономического взаимодействия стран-участниц в интеграционный режим. Содержание начального периода – постепенный переход от доминирования межгосударственных инструментов регулирования (ручное регулирование «сверху») к инструментам реализации экономических интересов субъектов хозяйственной деятельности (регулирование «снизу»).

При достижении интеграционного порога складывается приемлемый баланс между двумя уровнями регулирования экономики в рамках интеграционной группировки. Совершенствование этого баланса открывает дорогу к переходу на следующий этап интеграции – созданию современной региональной инфраструктуры и региональных производственных мощностей для повышения внутренней связанности и подключения к глобальным сетям. Пока из крупных интеграционных структур в Азии завершить начальный период удалось только АСЕАН, объединившей десять стран Юго-Восточной Азии.

Аналитики влотекущего интеграционного процесса в периферийных регионах называют массу причин, но крайне редко эту, хотя, по нашему мнению, она должна быть выделена как одна из главных. Южная и Центральная Америка достала в 2005 г. уровня интеграционного порога, когда соотношение внутреннего экспорта к его общему объему составило 0,33, а затем, перешагнув его, вышла в 2012 г. на уровень 0,37. Ориентировка на временные периоды выхода на интеграционный порог этих двух регионов (примерно два десятилетия) возможна по отношению к объединениям, в которых партнеры сравнительно гомогенны. По отношению к периферийным группировкам с четко выраженным, экономически мощным лидером нужно искать другие критерии достижения порога, так как здесь решающую роль играет положение в стране-лидере, ее геополитические и геоэкономические интересы. Попытки в этот период решать задачи, адекватные следующему этапу интеграции, могут привести к очередной серии интеграционных разочарований.

Задачи деятельности ЕАЭС и роль России

Главная задача начального периода ЕАЭС (и всего региона СНГ) – *достижение опережающего роста внутрорегиональной торговли, кооперации, инвестиций, других форм экономических связей, создание современной региональной инфраструктуры, т. е. необходимых условий*

для формирования жизнеспособного международного экономического региона на территории Евразии. Она обуславливает первую группу проблем евразийской интеграции.

В документах ЕАЭС сделан упор на развитие интеграционного процесса, создание в регионе центра экономической мощи, способного сформировать современный международный экономический регион. Одной из причин неудач серии попыток наладить интеграционное движение на ПП была недооценка важности *четкого определения задач стартового периода и момента, когда он заканчивается, открывая возможность перехода к основной стадии интеграции.*

С помощью каких механизмов, институтов, практических действий и проявлений политической воли участниками экономических процессов можно добиться максимально возможного включения регионального потенциала Евразии в формирование и развитие конкурентоспособного международного региона?

Оптимальным решением для начального периода является зона свободной торговли в рамках СНГ с интеграционным центром в формате ЕАЭС. В пользу подобного формата говорит мировой опыт: все устойчивые крупные интеграционные структуры обладают внутренним рынком объемом от 300 до 600 и более миллионов потребителей. Подобный объем позволяет осуществлять как серийное индустриальное производство, так и продуцировать материальные, финансовые, научные и образовательные ресурсы, необходимые для инновационно-технологического развития и создания международного экономического региона, опирающегося преимущественно на внутренние возможности саморазвития. В случае невозможности сформировать подобную интеграционную конструкцию недостаточная емкость внутреннего рынка может быть частично компенсирована путем создания торгового блока(ов) или двусторонних отношений с внерегиональными партнерами.

Вторая группа проблем евразийской интеграции связана с необходимостью достижения Россией экономической самодостаточности, ее превращением не только в лидера региональной интеграции, но и в центр развития всего региона. До восстановления в России своего промышленного сектора, проведения последовательной политики импортозамещения и освоения новых технологий интеграция в Евразии не сможет получать устойчивых импульсов развития.

Моделью позиционирования Евразии в мировом хозяйстве становится связка «Запад – Евразия – Восток». Чтобы стать в новой связке хотя и «асимметричным», но субъектом триады, России необходимо участвовать в ней не только индивидуально, но и как лидеру регионального интеграционного объединения. Задача весьма трудная и требующая многих усилий и времени.

Запад, прежде всего США, продолжит политику неприятия объединительной идеи на евразийском экономическом пространстве без своего доминирующего участия. З. Бжезинский утверждал: «Только Европа, все более самоорганизующаяся в форме Европейского союза, обладает потенциальными политическими, военными и экономическими возможностями совместно с Америкой решать задачу (углубления) и расширения трансевразийского сотрудничества¹⁶.

Продолжающаяся Западом информационная демонизация России дополнилась экономическими санкциями, стремлением изолировать ее от мирового сообщества. Ответная реакция должна включать меры среднего и долгосрочного характера. При их разработке необходимо просчитать все варианты. По нашему мнению, самым неблагоприятным из них для России может стать попытка США повторить по отношению к Украине нечто подобное плану Маршалла для Европы или инвестициям в экономику Японии и Южной Кореи. Нынешняя ситуация в мире не очень располагает к осуществлению столь масштабного проекта, но исключить обращения к проверенному историей методу воздействия на соперничающую сторону нельзя.

¹⁶ Цит. по: Иноземцев В.Л. Новые шахматы Збигнева Бжезинского // Независимая газета. Exlibris. 2004. 8 июл.

Поэтому меры противодействия даже менее опасным вызовам должны включать механизмы и инструменты, способные адекватно реагировать на худшие варианты развития событий.

Наибольший эффект противодействия попыткам дальнейшего разрушения евразийского экономического пространства может быть достигнут путем приоритетного развития двусторонних экономических отношений между Россией и Китаем, многостороннего в рамках ШОС по вопросам безопасности, подключения к проектам вокруг Шелкового пути на двусторонней основе, а также в рамках ЕАЭС и БРИКС. Особое внимание следует уделить использованию транзитного потенциала стран ЕАЭС в сухопутных и морских коридорах Европа – Азия.

В европейском направлении до отмены санкций целесообразно использовать заинтересованность отдельных стран ЕС в поддержании нормальных отношений с Россией. Ближайшая задача послесанкционного периода – восстановление досанкционных объемов взаимной торговли и инвестиционной активности.

Сценарии экономического развития России до возникновения ЕАЭС редко предусматривали участие других стран СНГ. Разрыв кооперационных связей с Украиной резко сузил сферу сотрудничества в промышленных отраслях. Поэтому проекты восстановления индустриального потенциала России, очевидно, должны предусматривать как участие в них партнеров, так и расширение содействия в развитии их экономик и привлечения к участию в крупных международных инфраструктурных проектах. Сложная ситуация ближайших лет не должна стать тормозом экономического взаимодействия. Следует шире использовать возможности российских регионов по развитию отношений с регионами соседних стран, увеличению объемов приграничной торговли, созданию небольших и средних совместных предприятий, кооперационных связей.

Как отмечалось выше, возможности России исполнять в полной мере роль центра экономического развития Евразии в настоящее время ограничены. Это необходимо учитывать, чтобы не повторить ошибок прошлого, когда продекларированные цели интеграции и развития СНГ не были подкреплены материальными ресурсами и реальными интересами. ЕАЭС в сложившемся формате способен к саморазвитию, но его ресурсы пока недостаточны для сшивания всего региона постсоветской Евразии. Для решения этой исторической задачи он должен привлечь как минимум Украину (желательно и Узбекистан). Оптимальным вариантом была бы их готовность к присоединению к Евразийскому союзу, но даже при отказе от прямого членства, необходимо искать формы их участия через ЗСТ и/или через систему двусторонних связей в производственных и инфраструктурных программах регионального масштаба. Участие в ряде проектов пояса Нового шелкового, сухопутного и морского пути создаст дополнительные стимулы к привлечению колеблющихся партнеров.

Некоторые исследователи, отмечая наличие позитивной корреляции между экономической связанностью региона, с одной стороны, и уровнем развития и темпами роста – с другой, считают первую едва ли не ключевым фактором развития в широком понимании этого термина¹⁷. Данное положение имеет особо важное значение для ПП. Перед этим регионом стоит сложная задача – преодолеть драматические последствия развала советской системы по трем направлениям: реанимация рациональных элементов ранее существовавшей региональной инфраструктуры, повышение связанности региона, усиление позиционирования в мировом хозяйстве в режиме, обеспечивающем возможность саморазвития преимущественно за счет внутренних ресурсов национальных экономик, региональной консолидации и интеграции, присоединения к мейнстриму мирового инновационного и технологического прогресса.

Большинство стран постсоветского пространства сумели самостоятельно включиться в мировое хозяйство в качестве ведомых, вынужденно ориентируясь в первую очередь не на

¹⁷ Gering J. Connectivity: A Key Factor in International Development. pdfs.semanticscholar.org/6289/71710086ba88546d50818188101727b6abe9.pdf

потребности национальной экономики и региональный рынок, а на импульсы внешнего мира. При этом характерными чертами национальных экономик региона стали деиндустриализация, высокая чувствительность к внешним шокам, массовая безработица, увеличившееся отставание от группы ведущих стран мира. Слабая позитивная динамика, дефицит материальных и финансовых ресурсов делают перспективы осуществления модернизации в существующем режиме для большинства стран в одиночку весьма призрачными. Следование подобному сценарию чревато дальнейшим размытием потенциала постсоветской Евразии как жизнеспособного, системообразующего международного экономического региона. В сочетании с позициями Украины и Молдавии именно это грозит потерей традиционной идентичности евразийского пространства. Противостоять разрушительному тренду станет возможно только после формирования в регионе центра экономической мощи, посылающего импульсы развития в пояс своего окружения. ЕАЭС имеет шанс стать таким центром. Но для этого нужно чтобы Россия предложила партнерам по региону концепцию и политику модернизации их национальных хозяйственных систем в увязке с модернизационными и инновационно-инвестиционными процессами в российской экономике. В подобной «связке» неизбежные дополнительные затраты бюджета и частные инвестиции из России в страны-партнеры по своему эффекту становятся аналогичными вложениям в экономику России (аутсорсинг, дешевая рабочая сила, приближение к источникам сырья и рынкам сбыта, уменьшение миграционного давления, сокращение транспортных расходов и т.п.).

Однако низкий показатель связанности усложняет развитие ЕАЭС. *Большинство стран СНГ придерживаются ориентации на рынки третьих стран, и неотложной задачей евразийской интеграции является формирование емкого внутреннего рынка как важнейшего драйвера экономического роста в интеграционных объединениях слабо- и среднеразвитых стран с отсутствием или недоразвитостью индустриального сектора.*

Положение может осложниться в связи с готовностью ряда внерегиональных стран заключить соглашения о ЗСТ с ЕАЭС (тенденция сама по себе положительная). Подобные соглашения, увеличивая рыночный потенциал Евразии, одновременно создают ряд проблем и усложняют систему регулирования внутрирегиональных отношений. ЕАЭС пока способен посылать импульсы для развития немногих сфер, прежде всего энергоотраслей, оборонной промышленности и некоторых других. Пока неясно, как будет сбалансировано развитие ЕАЭС «вглубь» и «вширь». Заключение соглашений о ЗСТ с крупными внерегиональными странами – до упорядочения внутрирегионального торгово-инвестиционного режима и вступления всех участников ЕАЭС в ВТО – может вызвать торгово-отвлекающий эффект и тормозить интеграционный процесс.

В ближайшие два–три года ЕАЭС, видимо, должен сосредоточиться на максимальном использовании эффекта от объединения торговых систем участников интеграционного проекта и повышении готовности экономики недавно вступивших стран к совместным действиям по восстановлению индустриального потенциала ЕАЭС. Расширять состав объединения до завершения этого стартового периода вряд ли целесообразно. Нельзя повторять предыдущих ошибок, связанных с постановкой с самого начала амбициозных, невыполнимых задачи, срыв которых приводил к потере веры в саму идею интеграции.

Сейчас трудно определить перспективы ЕАЭС. Но в любом варианте развития он должен исходить из принципиального положения о том, что евразийское пространство находится в стадии формирования международного экономического региона, который сможет занять достойное место в мировом хозяйстве только путем повышения его внутренней связанности, опережающих темпов роста внутрирегионального рынка.

Глава 2

Евразийская интеграция: социальная справедливость vs экономическая эффективность

Евразийская интеграция, несмотря на свою долгую историю, начало которой было положено в 1994 г. в ходе официального визита первого президента Казахстана Н.А. Назарбаева в Российскую Федерацию, до сих пор так и не достигла желаемой степени зрелости и глубины. За прошедшие 25 лет в условиях жесткой внешней и внутренней турбулентности серьезным испытаниям на прочность подверглись не только экономические, геополитические, но и социальные скрепы евразийского пространства.

Что и почему пошло не так

Поиск причин «пробуксовки» социально-экономической трансформации и интеграции на евразийском пространстве в традиционном русле геополитики и геоэкономики, как показала практика, так и не увенчался успехом. Распад СССР вскрыл и привел в движение мощные социокультурные и ментальные пласты, запустил центробежные векторы некогда единой культурно-исторической общности. Ожидания быстрой реальной отдачи от, казалось бы, «достаточно высокого потенциала естественной солидарности населяющих регион народов, которая проистекает из их многовекового совместного проживания, этнокультурного и экономического взаимодействия и встречных миграционных движений»¹⁸ оказались чрезмерно завышены.

По логике, «снижение барьеров на пути товаров, услуг, людей и капиталов по мере углубления интеграции должно способствовать развитию взаимных торговых и инвестиционных связей и, тем самым, способствовать росту экономики регионов. Но практика постсоветских интеграционных проектов этого не подтверждает»¹⁹. С одной стороны, «унаследованные от СССР общие черты и связи создают иллюзию легкости реинтеграционных процессов на нашем пространстве». С другой – «задача реинтеграции пространства оказывается много сложнее, чем формирование европейской интеграции с нуля. Прошлый опыт способен оказывать значительно более негативное влияние, нежели отсутствие опыта совместной жизни как такового»²⁰.

Чрезвычайно важное значение имеет «...отношение и интерес общества к интеграционному проекту. Это задает общий положительный фон и во многом определяет динамику»²¹. Однако проект ЕАЭС находится преимущественно на периферии внимания СМИ стран – участниц Союза. Интеграционная повестка находит недостаточное отражение в жизни людей и поэтому воспринимается ими как нечто «виртуальное»²². Все это сказывается на ходе интеграционных процессов на постсоветском пространстве, их противоречивом и разнонаправленном характере. Кроме того, по мнению академика В.М. Полтеровича, «если в программе реформ не

¹⁸ Евразия в поисках идентичности / Под ред. С.П. Глинкиной, Л.З. Зевина. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 3–4.

¹⁹ Вардомский Л.Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 31.

²⁰ Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации (научный доклад) / Под общ. ред. С.П. Глинкиной. М.: Институт экономики РАН, 2013. С. 81.

²¹ Винокуров Е.Ю. Опыт региональных интеграционных объединений: уроки для ЕАЭС // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2. С. 96.

²² Бородачева Е.М., Щекотуров А.В. Евразийский медиаиндекс. II квартал 2017 года. Москва, Минск: Институт социологии НАН Беларуси, Центр изучения перспектив интеграции, 2017. С. 5.

учтены существующие ресурсные, технологические, институциональные и культурные ограничения, то законодательно внедренные институты оказываются дисфункциональными»²³.

В этой связи чрезвычайно важно, что в научном и экспертном дискурсе все чаще затрагиваются вопросы социокультурной составляющей интеграционных процессов. Так, эксперты Евразийского банка развития считают, что «успех евразийской интеграции по-прежнему будет во многом зависеть и от усилий, направленных на повышение долгосрочной устойчивости евразийского интеграционного проекта, его привлекательности не только в экономическом и военно-политическом плане, но и в научно-образовательном, культурном и общем гуманитарном аспектах»²⁴. Длительное игнорирование социального фактора существенно снижает прочность интеграционных связей, ставит под угрозу эффективное интеграционное взаимодействие и «... даже серьезные политические договоренности и взаимозависимость национальных экономик не спасают от дезинтеграции при разрыве гуманитарной (культурной) связи и информационно-идеологическом противостоянии»²⁵. А. Крылов и А. Арешев отмечают, что «...евразийская интеграция имеет много измерений и отнюдь не исчерпывается экономическим прагматизмом. Социальная, политическая, культурно-цивилизационная составляющие играют не менее важную роль в успешной реализации интеграционного проекта»²⁶.

В ряде научных трудов Института экономики РАН, посвященных интеграционной проблематике, также прослеживаются схожие позиции. Так, Л.З. Зевин подчеркивает, что «... региональная интеграция не является чисто экономическим процессом... [Старт интеграции] становится возможным при наличии поддержки значительной части общества будущих партнеров (социальный фактор); ... мотивация к объединению опирается на исторический опыт общения и культурно-цивилизационные связи...»²⁷. Л.Б. Вардомский утверждает, что именно социокультурные приоритеты становятся критически важными при выборе постсоветскими странами вектора интеграции: «...речь идет о выборе между присоединением к европейской интеграции, созданием своего евразийского объединения или проведением многовекторной внешней политики»²⁸.

Авторы коллективного научного доклада «Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации» полагают, что «важнейшую роль в углублении интеграции могли бы сыграть социальные и культурные факторы. ... Использование культурных факторов более чем оправданно в интеграционном строительстве в силу взаимопроникновения культурных традиций на протяжении многих десятилетий совместного проживания народов». Они приходят к выводу, что «вопросы развития социальной сферы, выравнивания региональных и структурных диспропорций должны стать важной составляющей социально-экономической политики Евразийского экономического союза»²⁹. Л.С. Косикова отмечает, что именно социальные факторы призваны сыграть «цементирующую» роль в процессе успешной региональной интеграции: «... социальный фактор в процессе региональной интеграции чрезвычайно важен как один из главных «скрепов» межгосударственных союзов, создающий стимулы к сближению именно «снизу», со стороны населения сотрудничающих государств»³⁰.

²³ Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть I. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 17–18.

²⁴ Интеграционный барометр ЕАБР – 2014. Аналитическое резюме. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2014. С. 25.

²⁵ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 18.

²⁶ Крылов А., Арешев А. Евразийская интеграция: проблемы и потенциал развития // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 4 (25). С. 25.

²⁷ Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2015. С. 20.

²⁸ Вардомский Л.Б. Состояние и перспективы взаимных экономических отношений Беларуси, России и Украины в контексте их идентичности // Россия и современный мир. 2018. № 3 (100). С. 104.

²⁹ Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации. С. 87–88.

³⁰ Косикова Л.С. Социальные и культурные факторы региональной интеграции: опыт ЕС и СНГ / Социальные факторы

Социокультурное притяжение. Лучше вместе, чем порознь?

Очевидно, что область взаимодействия населения постсоветского пространства в сфере культуры, искусства, образования, спорта, туризма, а также личных (в том числе профессиональных, родственных и т.п.) связей изначально обладает мощным интеграционным потенциалом. Детальное исследование социокультурного (гуманитарного) притяжения стран постсоветского пространства регулярно проводится в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР», реализуемого Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития и Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор».

В 2017 г. для государств – членов ЕАЭС и Таджикистана была характерна феноменальная плотность взаимных социальных связей: за исключением России, более 50% их граждан заявили о наличии постоянно поддерживаемых связей с родственниками, друзьями, коллегами из стран региона СНГ. Наиболее высокие показатели были зафиксированы в Киргизии (80%), Армении (79%) и Таджикистане (66%). В России всего 31% населения поддерживает постоянные социальные связи в соседних по региону СНГ странах, при этом большинство (61%) не поддерживает их вообще³¹.

В целом наибольший взаимный интерес закономерно проявляют жители двух славянских государств – России, Белоруссии, а также Казахстана. В силу особенностей своего социокультурного профиля Казахстан занимает промежуточное положение между «восточным» и «западным» векторами интеграционных предпочтений. Вместе с тем широкое распространение традиционных институтов родственно-семейных связей в хозяйственных практиках, традиционных ценностей (религия, семья) и коллективистской культуры «работает» в большей степени на сближение Казахстана именно с Россией и Белоруссией. Наиболее близкой к России является базовая культурная идентификация Белоруссии. На вопрос: «Вы считаете себя более близким к русским или к европейцам?» почти три четверти белорусских респондентов отвечают «к русским» и около 20% – «к европейцам», объясняя это, прежде всего, историческими (49,5%), культурными (39,9%) и языковыми (36,2%) причинами³². В условиях состоявшегося политического «развода» России и Украины сейчас именно на долю Белоруссии выпала особая миссия по формированию зоны «сборки» Евразии³³.

Четко выраженный вектор социокультурного притяжения на постсоветском пространстве образует и сохраняющийся интерес населения стран Центральной Азии к России, несмотря на то, что в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане весомо тяготение и к странам арабского, персидского и тюркского национально-культурных кластеров.

Гораздо более противоречивы в демонстрации своих социокультурных предпочтений государства Южного Кавказа. Принципиальное отличие этого региона от других частей постсоветского пространства состоит в том, что он всегда чисто «исторически существовал как регион с подвижными границами, различными государственными, этническими и конфессиональными идентичностями»³⁴. До сих пор тлеющие региональные конфликты на спорных территориях (Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия) ошутимо нарушают и без того хрупкий баланс социально-политического равновесия в Азербайджане, Армении и Грузии. Самый большой камень преткновения – Нагорный Карабах. Являясь ключевым компонентом

постсоветской интеграции / Отв. ред. Т.В. Соколова. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 18, 22–23.

³¹ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. С. 15.

³² Будущее Беларуси. Взгляд независимых экспертов / Под ред. О. Манаева. СПб.: Невский простор, 2012. С. 29.

³³ Вардомский Л.Б. Состояние и перспективы взаимных экономических отношений Беларуси, России и Украины в контексте их идентичности. С. 107.

³⁴ Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы) / Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов. М.: Красная звезда, 2008. С. 36.

как армянской, так и азербайджанской национальной идентичности, он превратился в опасное «яблоко раздора» как с этнополитической, так и с оборонной точки зрения³⁵.

Кроме того, Южный Кавказ «принял на себя удар» половины (четырёх из восьми) всех вооружённых конфликтов на постсоветском пространстве: армяно-азербайджанского, грузино-абхазского, грузино-осетинского, и внутригрузинской гражданской войны. Все эти «болевые точки», буквально пронизывающие пространство Южного Кавказа, придали отношениям государств-соседей дополнительный центробежный импульс, который существенно затруднил процессы социально-экономической трансформации.

Показательно, что ни одна из стран рассматриваемого региона не считает своих непосредственных соседей друзьями. Для подавляющей части населения Азербайджана (91%) – это Турция, для Грузии (42%) – США. Население Армении (83%) ставит на первое место (и с большим отрывом) Россию³⁶. Вместе с тем особое значение в сотрудничестве Грузии и Армении имеет их культурно-конфессиональная общность. Для России же целесообразно наращивать экономические и гуманитарные связи со всеми странами Южного Кавказа, независимо от их текущих интеграционных предпочтений³⁷, но с обязательным учетом их социокультурных и ментальных особенностей. В 2017 г. в государствах – участниках опроса выявлен высокий интерес к продукции культурной индустрии стран региона СНГ: кинематографу, литературе, музыкальному искусству. Среди лидеров – Таджикистан (69%), Казахстан (68%) и Белоруссия (60%), наименьший показатель – в Армении (36%)³⁸.

К сожалению, подобные гуманитарные скрепы «снизу» в течение длительного времени не получали должной поддержки на официальном законодательном уровне. По мнению Д.И. Ушкаловой и М.Ю. Головина, неоправданное чрезмерное увлечение экономическими теориями интеграции, недооценка роли и необходимости создания полноценного институционального каркаса не могли не сказаться на эффективности попыток объединения³⁹. Показательно, что только в 2006 г. (по прошествии 15 лет с момента распада СССР!) были созданы Совет по гуманитарному сотрудничеству (СГС) и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ (МФГС). В 2009 г. приступил к работе Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах, были утверждены Основные направления долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере и разработана Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 г. В середине 2011 г. создан Совет по сотрудничеству в области фундаментальной науки и принята Концепция развития образования в сфере культуры и искусства государств – участников СНГ.

Кроме того, «идеологический шок начала 90-х гг., следствием которого стало разрушение советской идентичности многих представителей старших поколений и утрата смысла прожитой ими жизни, привел к социальной, этнической и психологической дискриминации носителей советской ментальности на всем постсоветском пространстве»⁴⁰. В связи с этим запустить процесс евразийской интеграции, опираясь только на разрозненные национальные

³⁵ См.: *Бабаян Д.* Азербайджано-карабахский конфликт: этнополитика и безопасность // *Россия и новые государства Евразии*. 2015. № 2 (27).

³⁶ *Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRRC)* caucasusbarometer.org/en/cb2013/MAINFRN.

³⁷ *Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Соколова Т.В.* Страны Южного Кавказа: особенности развития и регионального взаимодействия. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 62, 67.

³⁸ *Интеграционный барометр ЕАБР* – 2017. С. 16.

³⁹ *Ушкалова Д.И., Головин М.Ю.* Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. М.: Институт экономики РАН, 2011. С. 37–38.

⁴⁰ *Социокультурные особенности российской модернизации: материалы «круглого стола»*. М.: Экон-Информ, 2009. С. 35.

идентичности, так и не удалось. Возможно, во многом именно поэтому «Евразийский экономический союз, при всей его практической полезности, не стал центром силы в Евразии»⁴¹.

В последние годы практически во всех странах общественная поддержка ЕАЭС медленно снижалась. Высокий уровень одобрения членства в ЕАЭС, зафиксированный в 2015 г., был, скорее всего, своего рода авансом общественного доверия, связанного с позитивными ожиданиями. Вместе с тем неблагоприятная внешняя конъюнктура, в условиях которой зарождалось и развивается новое интеграционное объединение (мировой экономический кризис, межгосударственные конфликты в регионе СНГ), не позволяет оправдаться многим ожиданиям скорых положительных эффектов интеграции, и это ведет в том числе к отрицательной динамике общественных настроений⁴².

Так, в Молдавии впервые за шесть лет исследований «Интеграционного барометра ЕАБР» общий индекс притяжения к Евросоюзу стал выше аналогичного к региону СНГ. Небольшая отрицательная динамика притяжения в целом ко всем странам региона СНГ зафиксирована в Армении (по отношению к России – значительная). В Таджикистане и Молдавии также значительно уменьшилось притяжение к России. При этом интеграционное позиционирование самой России по-прежнему многовекторно. В предпочтениях россиян примерно в равной степени присутствуют все геополитические векторы (страны региона СНГ, ЕС и «остального мира»)⁴³.

В ходе постсоветской трансформации постепенно утрачивались и потребность в знании русского языка как языка межнационального общения, и понимание культуры других народов, населявших некогда единую страну⁴⁴. Русскоговорящая часть населения медленно перемещалась в двуязычную категорию (так называемое явление билингвы, когда русский и титульный языки в повседневном общении используются в равной степени). Наибольший рост «билингвы» был отмечен в 2005–2007 гг. в Белоруссии, Казахстане и Азербайджане (на 10–15 п.п.). Снижение показателя наблюдалось только в Армении и Молдавии, что, скорее всего, связано с эмиграцией населения, свободно владеющего русским языком⁴⁵. За счет «билингвы» удалось компенсировать стремительное сокращение (в ряде случаев вплоть до полного запрета) использования русского языка как единственного. Представителей русскоязычной среды стало меньше на 15% в Узбекистане и на 82% в Таджикистане⁴⁶. Данные социологических опросов показывают, что россияне наиболее чувствительно (среди всех типов дискриминации русских в бывших республиках СССР) воспринимают именно запрет на использование в постсоветских государствах русского языка⁴⁷.

За истекшие четверть века в новых независимых государствах выросло целое поколение, которое вместе с теми, кто в момент распада СССР были еще детьми, является носителем менталитета, принципиально отличного от советского. И это каждый пятый (около 60 млн чел.

⁴¹ Тренш Д. Контурная карта российской геополитики: возможная стратегия Москвы в Большой Евразии. М.: Московский Центр Карнеги, 2019. 11 февр. carnegie.ru/2019/02/11/ru-pub-78328.

⁴² Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. С. 21–22.

⁴³ Там же. С. 20.

⁴⁴ Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов // Аналитический отчет по исследовательскому проекту «Евразийский монитор». 2009, август. eurasiamonitor.org/uploads/s/g/f/f/gffzlsnpxne/file/o9GDpzJR.pdf; Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал новых независимых государств и условия его привлечения в Россию. Научный доклад. ecsosman.hse.ru/data/2011/09/02/1267440637/Rybakovsky.pdf.

⁴⁵ Динамика использования русского языка в повседневном общении в некоторых странах СНГ // Евразийский монитор. 2011. 5 марта. www.eurasiamonitor.org/uploads/s/g/f/f/gffzlsnpxne/file/5ccofuh7.ppt.

⁴⁶ Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014. С. 42.

⁴⁷ Общественное мнение – 2014. М.: Левада-Центр, 2015. С. 156.

в возрасте от 15 до 29 лет) из более чем 280 млн чел., проживающих в СНГ. В среднем доля молодежи составляет от 18 до 29% всего населения⁴⁸.

Молодое постсоветское поколение не имеет собственного опыта проживания в большой объединенной стране, восприятие которой строится только на основе внешних интерпретаций. По данным социологических опросов, отношение к СССР существенно дифференцировано в разных возрастных группах (чем моложе, тем отношение хуже или безразличнее). Особенно стремительно размывается «советская идентичность» в странах Центральной Азии, где более половины населения составляет молодежь до 30 лет, получившая среднее образование в рамках национальной школьной системы и не испытывавшая непосредственного влияния общих «советских» ценностей. Как отмечают эксперты из Казахстана, «если первые 25 лет независимого развития Центральная Азия находилась в фарватере постсоветской инерции (экономические модели, элиты и их видение мира, образование, социальный уклад и др.), то, по всей вероятности, нарождающиеся в настоящее время глобальные мегатренды и новое, последовательно набирающее силу поколение (со своими взглядами, ценностями, устремлениями и др.) обусловят для нашего региона начало совершенно нового исторического этапа»⁴⁹.

Таким образом, ностальгия и позитивное отношение к общей истории все в меньшей степени могут служить основой для «новой интеграции», хотя тяга к новому объединению в ряде стран бывшего СССР явно присутствует. При этом отношение к распаду СССР и к возможному новому союзу значительно различается для респондентов с разным уровнем социального самочувствия. Среди неудовлетворенных сегодняшней жизнью более распространено позитивное отношение к интеграции. Так, например, в Армении среди неудовлетворенных своей жизнью 55% поддерживают объединение, среди удовлетворенных эта доля существенно ниже – 39%⁵⁰.

Желаемое усиление гуманитарной составляющей интеграционных процессов на постсоветском пространстве сталкивается с отсутствием, как это ни парадоксально, весомой поддержки и заинтересованности в более тесной интеграции и со стороны самой России. По данным опросов Левада-Центра, менее 20% россиян поддержали бы более тесное объединение всех республик бывшего СССР, например, по хорошо известному типу Европейского союза⁵¹.

В тисках острых социальных проблем и несправедливости

Путь независимого развития постсоветских государств оказался в социальном плане более сложным и непредсказуемым, чем ожидалось накануне реформ. Надежды на то, что «... опыт международного сотрудничества государств с различными уровнями развития и социальным устройством дадут возможность сравнительно легко и безболезненно реформировать постсоветское пространство в принципиально иной глобальной среде»⁵², не оправдались, и по прошествии вот уже почти трех десятилетий социальная ситуация в регионе остается напряженной (см. табл. 2.1). Разрыв в уровне ВВП на душу населения составляет более 8 раз, в уровне безработицы – более 5. При этом некоторые неожиданно выбивающиеся из общего ряда показатели (например, низкий уровень работающих бедных в Туркмении – 2,5% от общей численности занятых) объясняются либо особенностями национальной статистики, либо нали-

⁴⁸ Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М.: Статкомитет СНГ: ЮНФПА, 2018. С. 15.

⁴⁹ Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на десять лет вперед / Т.Т. Шаймергенов, М.А. Абишева. Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы, 2017. С. 26, 76.

⁵⁰ Общественное мнение о распаде СССР в странах постсоветского мира. 1991–2016 / Проект «Евразийский монитор», 2017. С. 18, 19.

⁵¹ Общественное мнение – 2014. С. 158.

⁵² Зевин Л. З. Указ. соч. С. 16.

чием значительного теневого сектора, трудно поддающегося учету и вследствие этого сильно искажающего истинную картину.

Вместе с тем «сухие» социально-экономические показатели нивелируют существенные различия в интеграционных предпочтениях и, что не менее важно, в представлениях людей о социальной справедливости. На постсоветском пространстве взаимопереплетены три основные модели социальной справедливости: *патерналистско-эгалитарная, или уравнилельная* (наиболее распространенная, унаследованная от социалистического этапа развития); *социал-демократическая и либерально-рыночная*, которая в чистом виде встречается в СНГ лишь фрагментарно и в отсутствие давних рыночных традиций, скорее всего, не имеет объективной почвы для своего развития. Эта особенность является серьезным препятствием для решения проблемы оптимального сочетания и без того трудносовместимых друг с другом (в силу своеобразия постсоветского менталитета) критериев экономической эффективности и социальной справедливости.

Таблица 2.1. Основные социальные показатели развития постсоветских государств

Страны	ВВП на душу населения по ППС (долл.) (2017)	Уровень безработицы, % от рабочей силы* (2017)	Уровень молодежной безработицы, % от рабочей силы** (2017)	Молодежь в возрасте от 15 до 24 лет – не учится и не работает, % (2017)	Удельный вес населения, находящегося за национальной чертой бедности (с доходами ниже величины прожиточного минимума), % (2017)	Работающие бедные (менее 3,1 долл. в день по ППС), % от общей численности занятых (2012–2017)***	Коэффициент неравенства доходов Джини, (2017)
Азербайджан	17398	5,0	12,9	...	5,4	1,5	0,33 ^a
Армения	9647	18,2	38,4	36,6	25,7 ^б	10,1	0,33***
Белоруссия	18848	5,6	9,3	...	5,9	0,3	0,27
Казахстан	26410	4,9	3,8	9,5	2,6 ^б	0,2	0,29
Киргизия	3726	7,3	14,8	20,4	25,6 ^б	16,7	0,39
Молдавия	5698	4,5	11,8	27,8	9,6***	0,9	0,35
Россия	25533	5,2	16,1	12,4	13,2	0,1	0,41
Таджикистан	3180	10,3	...	...	29,5	16,9	0,34***
Туркмения	17993	3,4	...	...	...	2,5	...
Узбекистан	6865	7,2	...	...	11,9	14,9	0,26***
Украина	8667	9,5	18,9	18,3	2,4***,б	0,3	0,26

^a 2008 г.; ^б показатели рассчитаны с использованием национальных шкал эквивалентности, позволяющих оценить эффект совместного проживания в домохозяйстве.

* по методологии МОТ (включая численность ищущих работу самостоятельно – без обращения в службу занятости);

** безработные в возрасте от 15 до 24 лет, в % к численности экономически активного населения / рабочей силы соответствующего возраста; по методологии МОТ;

*** цифры относятся к последнему году за период 2015–2017 гг., по которому имеются данные.

Источники: Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2014–2017. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2018. С. 12; Мониторинг показателей ЦУР в регионе СНГ 2015–2017. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2019. С. 19; Мониторинг состояния национальных рынков труда стран Содружества Независимых Государств 2014–2017. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2018. С. 44; Содружество Независимых Государств в 2017 году. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2018. С. 146; Анализ развития уровня жизни и благосостояния населения в Республике Узбекистан / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. С. 5; Россия в цифрах. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 129; Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update. N.-Y.: United Nations Development Programme, 2018. Pp. 60–62; Human Development Report 2016: Work for Human Development. Washington, D. C.: UNDP, 2016. Pp. 250–252; Human Development

Report 2015: Work for Human Development. Washington, D. C.: UNDP, 2015. P. 217; The World Bank (Data Sets). data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI; data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS; ; data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC/countries.

Мировой опыт показывает, что эффективность социально-экономических реформ напрямую зависит от качества социальной стратегии развития государства, отвечающей определенной системе ценностей населения и специфике его менталитета. В работах Л. Евстигнеевой и Р. Евстигнеева показано, что в основе социальной энергии преобразований (трансформаций) лежит, прежде всего, ментальность. И абсолютно не верно расценивать ее как «экзогенный фактор экономики, практически сводимый к воздействию на экономику и общество врожденного или исторически приобретенного национального характера». Напротив, сейчас «...ментальность становится важнейшей экономической категорией, определяющей уровень и состав социальной энергетики развития и экономического роста»⁵³.

Возможно, именно отсутствие достаточной социальной энергии, тонуса и явилось одной из веских причин промахов и неудач масштабной постсоветской социальноэкономической трансформации. Как отмечает академик В.М. Полтерович, «в процессах социально-экономического развития важную роль играют такие элементы гражданской культуры, измеряемые с помощью опросов и экспериментов, как обобщенное доверие, толерантность, ценность свободы выбора, протяженность индивидуального планового горизонта и т.п.»⁵⁴.

На протяжении всего этапа постсоветского развития тянется шлейф колоссального разочарования людей, ощущения ими острой социальной несправедливости, выливающейся даже в требования пересмотреть итоги реформы отношений собственности. В середине 2018 г. только 4% респондентов считали, что приватизация государственной собственности принесла выгоду всему обществу. Большинство полагали, что выиграли «чиновники и управленцы» (31%), «теневые дельцы» (27), «предприниматели» (24) и «новая номенклатура» (12%)⁵⁵.

Только четверть россиян согласны, что реформы отвечают интересам большинства населения. При этом доля считающих, что путь, по которому сейчас идет страна, ведет в тупик, существенно выше среди тех, кто оценивает нынешнюю систему распределения частной собственности как несправедливую, чем среди тех, кто воспринимает это иначе (42 и 18% соответственно)⁵⁶. При этом социальные неравенства расцениваются как чрезмерные и несправедливые всеми слоями россиян, независимо от их уровня жизни и динамики личного благополучия. Столь явное недовольство нарушениями социальной справедливости, ее дистрибутивных аспектов представляет собой важный фактор дестабилизации общества⁵⁷, особенно в условиях его незрелости, отсутствия массового среднего класса и бедности населения.

Неудачный старт реформ в бывших республиках СССР в начале 1990-х гг. подорвал и без того хрупкий кредит доверия населения к преобразованиям. Люди почувствовали себя обманутыми, поскольку либеральные реформы резко ударили по благосостоянию большинства населения⁵⁸. Быстрая и беспорядочная приватизация во времена «шоковой терапии» в России, утечка капитала, накопление богатств в офшорах, высокая инфляция привели к росту доходов

⁵³ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Новые грани ментальности: синергетический подход. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 179.

⁵⁴ Полтерович В.М. Указ. соч. С. 20.

⁵⁵ Левашов В. К., Афанасьев В. А., Новоженкина О. П., Шуптанова И. С. Состояние гражданского общества в России. XLVII этап социологического мониторинга «Как живешь Россия?», май 2018 г. / Под общ. ред. В.К. Левашова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. С. 56.

⁵⁶ Там же. С. 9; Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. 2016. Т. 25. № 2. С. 48.

⁵⁷ Немировский В. Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 45, 48.

⁵⁸ Латов Ю.В., Петухов В.В. Выполняют ли российские средние слои роль социального стабилизатора? (По данным социологических опросов). Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 7.

самых богатых россиян и к колоссальному расслоению, которое до сих пор не только не ослабевает, но и, напротив, даже нарастает. По данным опубликованного в 2017 г. первого Доклада о неравенстве в мире, с 1995 по 2015 гг. доля верхней центиля (1% самых крупных состояний) в России возросла в 2 раза – с 22 до 43%⁵⁹. В середине 2018 г. треть (32%) россиян была обеспокоена разделением общества на богатых и бедных⁶⁰.

После завершения острой фазы финансового кризиса 1998 г. материальное и социальное благополучие населения постсоветских государств улучшалось крайне медленно. На фоне экономического роста доля населения, живущего за национальной чертой бедности, в начале 2000-х гг. ощутимо сокращалась (исключение составила только Армения), однако существенного снижения степени неравенства в доходах так и не произошло (табл. 2.2).

Официальная статистика, к сожалению, далеко не всегда дает точное представление об уровнях реальной бедности и неравенства. Это связано как с определенными методологическими трудностями, так и с тем, что официально установленная черта бедности (величина прожиточного минимума) может быть значительно ниже уровня, необходимого для обеспечения устойчивого социально-экономического развития. По мнению экспертов, уровень бедности в Казахстане существенно выше официальных данных (2,6%) и достигает 10–20% общей численности населения⁶¹. По данным Института демографии и социальных исследований НАН Украины, в 2014 г. к бедным относилась почти треть украинцев, а в первом полугодии 2015 г. этот показатель составил уже 53,5% и имел устойчивую тенденцию к росту.⁶²

Таблица 2.2. Динамика уровня бедности и неравенства доходов

Страны	Уровень бедности					Коэффициент неравенства доходов Джини				
	2001	2005	2010	2015	2017	2000–2001	2005	2010	2015	2017
Азербайджан	49,6	15,8 ^г	9,1	6,0 ^ж	5,4	0,37	0,17	0,34 ^а	...	...
Армения	...	27,6 ^а	35,8	29,8	...	0,35	0,36	0,31	0,32	0,38 ^з
Белоруссия	28,9	12,7	5,2	5,1	5,9	0,31	0,28	0,28	0,27	0,27
Казахстан	46,7	31,6	6,5	2,7	2,6	0,36	0,30	0,29	0,27	0,29
Киргизия	...	39,9 ^в	33,7	32,1	25,6	0,31	0,38	0,30	0,29	0,39
Молдавия	54,6	29,0	21,9	9,6	...	0,36	0,36	0,32	0,27	0,35
Россия	...	17,8	12,5	13,3	13,2	0,37	0,41	0,41	0,38	0,41
Таджикистан	...	...	...	31,3	...	...	0,34 ^б	0,31 ^е	0,34	...
Туркмения	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Узбекистан	...	...	17,7	...	...	0,36	0,35 ^а	...	...	...
Украина	...	12,7 ^г	8,6	6,4	2,4	...	0,29	0,25	0,26	0,26

^а 2003 г.; ^б 2004 г.; ^в 2006 г.; ^г 2007 г.; ^д 2008 г.; ^е 2009 г.; ^ж 2012 г.; ^з 2016 г.

Составлено по: Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2014–2017. М.: Межгосударственный статистический комитет

⁵⁹ World Inequality Report-2018. World Inequality Lab. 2017. P. 113.

⁶⁰ Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шулпанова И.С. Указ. соч. С. 8.

⁶¹ Алиев Т. Бедность в Казахстане // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 12. С. 112.

⁶² Демоскоп Weekly. 2016. № 675–676, 22 февр. – 6 марта. demoscope.ru/weekly/2016/0675/panorm01.php#8.

СНГ, 2018. С. 12, 14; The World Bank (Data Sets) data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI; data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC.

Что касается истинных масштабов неравенства, то ситуация выглядит еще более запутанной. Так, по данным аналитиков компании Credit Suisse Group AG, в России официальное значение коэффициента Джини (0,41) занижено как минимум в два раза и составляет 0,84⁶³. Р.И. Капелюшников, ссылаясь на исследование ученых-экономистов Ф. Новокмета, Т. Пикетти и Г. Цукмана, приводит цифру 0,55. Напротив, по оценкам экспертов Всемирного банка, с 1998 по 2012 гг. коэффициент Джини в России уменьшился почти на треть (с 0,49 до 0,33)⁶⁴.

Однако независимо от расчетов и количественных показателей неравенство все равно воспринимается жителями постсоветских государств как необоснованное, что ставит под сомнение легитимность существующей экономической системы и оказывает значимое негативное влияние на уровень удовлетворенности жизнью. Его значения (по десятибалльной шкале оценок) варьируют от 4,3 баллов в Армении и Украине до 6,4 баллов в Узбекистане⁶⁵ (причина, вероятно, кроется в хоть и медленном, но поступательном улучшении крайне низких «стартовых» социально-экономических показателей).

«Эффект туннеля», когда связь между неравенством и удовлетворенностью жизнью положительная, на постсоветском пространстве не срабатывает, поскольку не прослеживается связь между собственными усилиями и личным благосостоянием. В середине 2018 г. более половины россиян считали, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». За последние три года их число увеличилось на 9 п.п.⁶⁶ Заметим, что МВФ рассматривает проблему экономического неравенства как «окончательный, основной вызов нашего времени», который потенциально может привести к эффекту разорвавшейся бомбы в виде «негативных последствий для институциональных, политических, культурных и социальных систем...»⁶⁷.

Представления о допустимой степени неравенства в доходах, об их перераспределении определяются, как отмечают, например, И. Денисова и Г. Монусова, доминирующими взглядами на справедливость и возможностями социальной мобильности в обществе, а также доверием к государству и его институтам⁶⁸. Если индивидам открыт путь к самореализации, и они могут этого добиться с помощью инструментов, считающихся легитимными и справедливыми, то в обществе формируется более терпимое отношение к неравенству доходов, а требования дополнительного перераспределения становятся слабее. Там, где «социальные лифты» блокированы, институты власти непрозрачны и неэффективны, требования относительно дополнительного перераспределения доходов сохраняют силу и даже могут нарастать⁶⁹.

Ни в одном из постсоветских государств так и не сформировался полноценный средний класс, который мог бы сыграть роль социально-политического стабилизатора процесса евразийской интеграции. В России, например, по мнению ряда исследователей, «...неартикулированность («размытость») социально-политических характеристик подтверждает точку зрения о недоформированности российского среднего класса как особого массового социаль-

⁶³ Ирбетская Е.А., Китайцева О.В. Социальная справедливость как платформа реализации жизненных устремлений россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 24.

⁶⁴ Капелюшников Р. Как считать неравенство // Ведомости. 2019. 5 марта.

⁶⁵ Human development indices and indicators: 2018 statistical update. Pp. 72–74.

⁶⁶ Левашиов В. К., Афанасьев В. А., Новоженина О. П., Шутанова И. С. Указ. соч. С. 60.

⁶⁷ Риччери М. Как спасти социальность рыночной экономики // Мир перемен. 2017. № 1. С. 125.

⁶⁸ Денисова И. А. Неравенство, качество институтов и спрос на перераспределение доходов: о чем говорят данные опросов населения в посткоммунистических странах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 2 (18). С. 176.

⁶⁹ Монусова Г. Чем определяется восприятие неравенства в доходах // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 1. С. 53.

ного субъекта. Это пока еще больше «класс в себе», чем «класс для себя»⁷⁰. И это несмотря на то, что за годы реформ произошли явные качественные изменения в его составе – и сейчас это уже «совсем не верхний квинтиль позднего советского общества (особенно интеллигенция), который поддержал рыночные и демократические реформы рубежа 1980–1990-х годов, а сложный «состав» из старой номенклатуры (захватившей часть активов), различных «теневых фигур» (вплоть до представителей преступного мира), коррумпированных чиновников и новых предпринимателей»⁷¹. И в Белоруссии так же «... социальным итогом реформ стало не формирование процветающего среднего класса, а размывание ранее существовавших в стране средних слоев и обострившаяся поляризация общества»⁷².

Весьма чувствительным в социальном плане и болезненно воспринятым с точки зрения социальной справедливости стало увеличение во многих странах СНГ возраста выхода на пенсию. На начало 2014 г. в Азербайджане он составил для мужчин 63 года, для женщин – 59 лет и 5 месяцев (с 2010 г. пенсионный возраст для женщин постепенно увеличивается до 60 лет), Казахстане, Киргизии и Таджикистане – соответственно 63 и 58 лет, Молдавии и Туркмении – 62 года и 57 лет, Украине – 60 и 56 лет (с октября 2011 г. пенсионный возраст для женщин постепенно увеличивается до 60 лет), в Армении – и для мужчин, и для женщин – 63 года. В Белоруссии и Узбекистане возраст выхода на пенсию пока сохранился на уровне 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин, а в России с 2019 г. постепенно повышается до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин.

Возрастная структура населения стран СНГ за последние десятилетия меняется в сторону роста доли лиц старше 65 лет, что связано с увеличением продолжительности жизни. Данная тенденция наблюдается во многих странах мира, особенно среди завершивших демографический переход. Согласно шкале ООН, если удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше ниже 4%, то население такой страны считается молодым; в интервале от 4 до 7% – население на пороге пожилого возраста; выше 7% – пожилое население. Исходя из указанных критериев, Армения, Белоруссия, Молдавия, Россия и Украина – страны с пожилым населением; в Азербайджане и Казахстане – население на пороге пожилого возраста; и только Киргизия, Таджикистан и Узбекистан относятся к странам с молодым населением.

Одним из негативных социальных последствий старения населения является сокращение рабочей силы, покрывающей своими отчислениями от заработной платы расходы на пенсионные выплаты, что неизбежно усиливает давление на национальные пенсионные системы, которые в большинстве постсоветских государств и сейчас едва покрывают уровень минимальных потребностей пенсионеров. В конце 2017 г. минимальная пенсия по возрасту превышала размер прожиточного минимума пенсионера только в Белоруссии (в 1,5 раза) и Казахстане (в 2 раза). Значительно ниже прожиточного минимума был установлен размер минимальной пенсии по возрасту в Киргизии (в 2,5 раза), России и Молдавии (в 1,5 раза)⁷³.

Во всех странах СНГ размер пенсии по старости значительно ниже размера заработной платы. Их соотношение в 2017 г. в Армении, Молдавии и Таджикистане находилось в пределах 24–30%, России, Киргизии, Белоруссии и Украине – 31–40%, Казахстане и Азербайджане – 41–44%⁷⁴. Для сравнения: в Бразилии, Греции, Индии, Норвегии, Финляндии, Фран-

⁷⁰ Латов Ю.В., Петухов В.В. Указ соч. С. 28.

⁷¹ Григорьев Л., Курдин А. Нерешенный вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 54.

⁷² Соколова Г. Н. Место и роль среднего класса в стратификационной конфигурации белорусского общества // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 55.

⁷³ Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2014–2017. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2018. С. 15.

⁷⁴ Рассчитано автором по данным Статкомитета СНГ. www.cisstat.ru/rus/macro/zp-1.pdf, и Мониторинга показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2014–2017. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2018. С. 23.

ции, Чешской Республике, Швейцарии, Швеции коэффициент замещения дохода (отношение пенсии к доходу работающего предпенсионного возраста) составлял более 50%; в Словакии – более 60%; Австрии, Венгрии, Дании, Исландии, Испании, Италии, Китае, Нидерландах – более 70%⁷⁵.

Нарастающая интенсивность миграционных потоков в евразийском регионе, специфика социально-демографической ситуации, а также состояние национальных рынков труда неизбежно ставят на повестку дня и вопросы по координации пенсионных систем, созданию общего пенсионного пространства. Важный шаг в этом направлении предпринят Россией и Беларуссией, подписавшими в начале 2006 г. «Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в области социального обеспечения». Согласно документу, пенсия назначается на территории той страны, где человек выполнял какую-либо работу. При переезде выплата пенсии продолжается. Кроме того, возможна пропорциональная выплата пенсии двумя странами. Для сохранения стажа в случае, когда граждане рассматриваемых республик выезжают на работу в государства, не подписавшие никаких договоров и соглашений в области пенсионных прав, трудовые мигранты могут добровольно отчислять взносы в пенсионный фонд страны, гражданами которой они являются⁷⁶.

Трудовые миграции: в поисках лучшей жизни

Евразийская интеграция постепенно приобретает все более прагматичный характер и рассматривается населением постсоветских государств как шанс повысить уровень и качество жизни своей семьи. Эксперты Евразийского банка развития отмечают, что «скептическое восприятие евразийской интеграции и рост безразличия к ней – абсолютно нормальное явление, как и «евроскептицизм» в странах ЕС. Граждане стран ЕАЭС все чаще задумываются не столько об интеграционных процессах вообще, сколько о практической значимости интеграции лично для них, насколько она влияет на их конкурентоспособность, на их семейный бюджет и бизнес и т.д.»⁷⁷.

В Армении, Белоруссии, Молдавии, России и Украине завершился процесс демографического перехода⁷⁸, причем в этих странах уровень рождаемости не обеспечивает даже простого замещения населения, для которого необходимо как минимум 2,1 рождения на одну женщину. Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, напротив, сохраняют высокие показатели воспроизводства населения, хотя общемировая тенденция к снижению рождаемости и увеличению среднего возраста населения наблюдается отчасти и в этих странах⁷⁹.

Трудовая миграция граждан государств – членов ЕАЭС в основном носит низко- или среднеквалифицированный характер: $\frac{2}{3}$ имеют среднее и среднее специальное и только $\frac{1}{3}$ (35,3%) – высшее образование⁸⁰. Треть всех мигрантов на постсоветском пространстве – это

⁷⁵ О пенсионном обеспечении в странах Содружества // Статистика СНГ (Статистический бюллетень). 2014. № 12 (543). С. 89.

⁷⁶ См.: Карабчук Т.С., Соболева Н.Э., Перебоев В.С. Введение общего пенсионного пространства в странах Евразийского экономического союза: насколько это важно и каковы последствия? // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 3. С. 6, 17.

⁷⁷ Перебоев В.С. Евразийская публичная дипломатия: новые инструменты защиты интересов ЕАЭС на мировой арене // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 4 (20). С. 141.

⁷⁸ Демографический переход – исторически быстрое снижение рождаемости и смертности, в результате чего воспроизводство населения сводится к простому замещению поколений. Этот процесс является частью перехода от традиционного общества (для которого характерна высокая рождаемость и высокая смертность) к индустриальному.

⁷⁹ О демографической ситуации в странах Содружества в 2013 году // Статистика СНГ (Статистический бюллетень). 2014. № 12 (543). С. 12.

⁸⁰ Осадчая Г.И. Мигранты из государств-членов ЕАЭС на московском рынке труда: социологическая оценка адаптиро-

молодые люди в возрасте 15–29 лет. И это неслучайно. Молодежная безработица в странах СНГ в 1,7 (Белоруссия) – 3,1 раза (Россия) превышает ее общий уровень (за исключением Казахстана, где безработица среди молодых людей – 3,8% – традиционно ниже ее общего уровня – 4,9%)⁸¹. Высоки и показатели долгосрочной вынужденной незанятости молодежи – от 10–25% в Казахстане, Белоруссии, Молдавии, России, Киргизии до более чем половины общего числа безработных в Азербайджане и Армении (рис. 2.1).

В зоне особого риска – молодежь в возрасте 15–29 лет, которая не работает и не учится. В отдельных странах в эту группу входит более 20% молодых мужчин (в Молдавии и Армении) и от 32 до 46% молодых женщин (в Молдавии, Киргизии и Армении) (рис. 2.2). Проблема занятости существует и для молодых людей, получивших формальное образование. Переход от учебы к работе – это критическая фаза жизни, сложности в данный период могут иметь серьезные долгосрочные последствия.

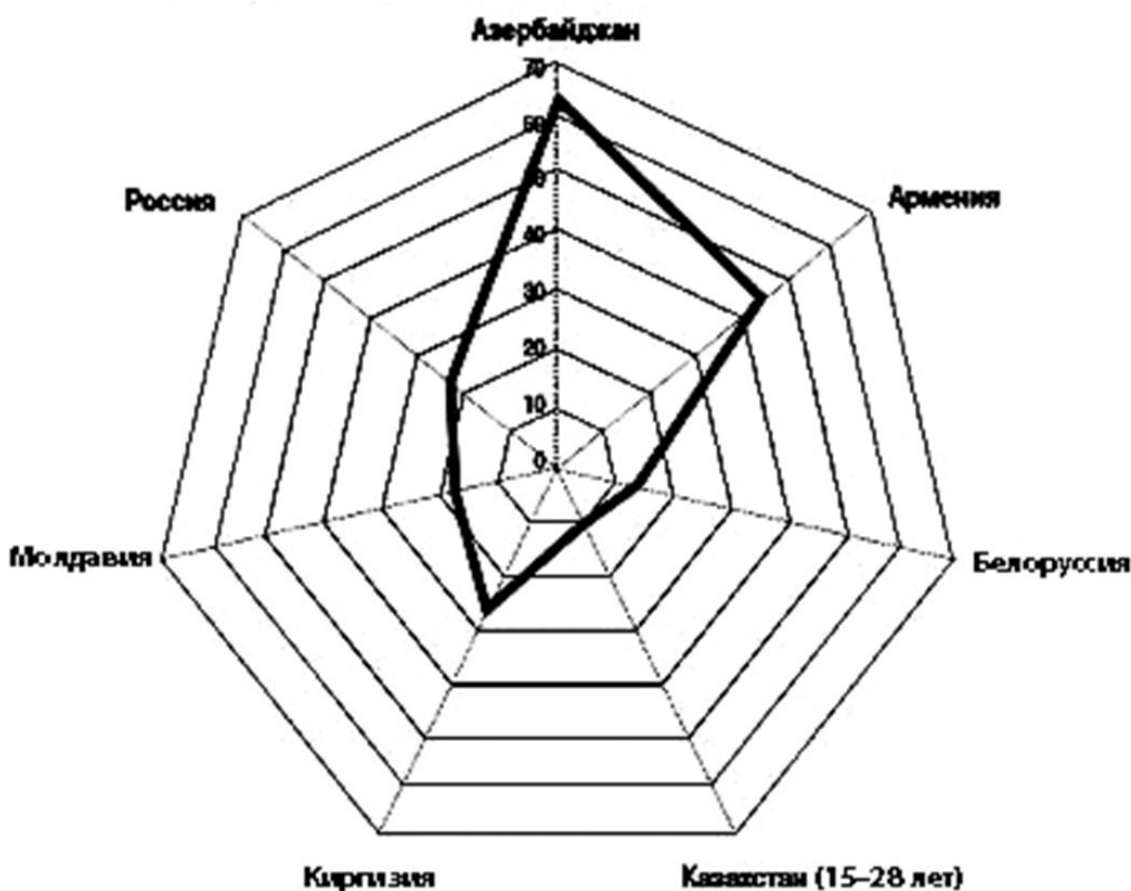

Рис. 2.1. Молодежь в возрасте 15–29 лет, ищущая работу 12 месяцев и более

Источник: Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М.: Статкомитет СНГ, ЮНФПА, 2018. С. 135.

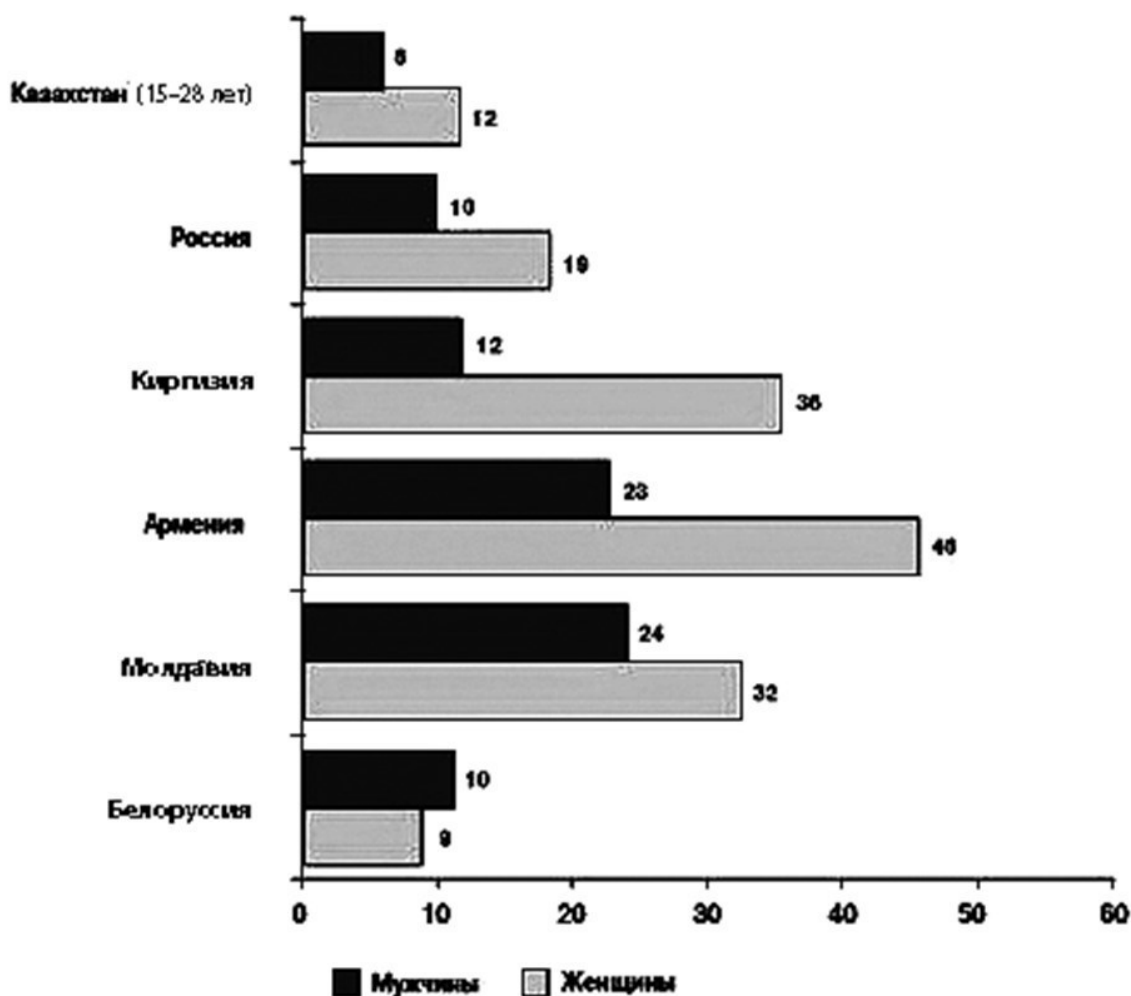

Рис. 2.2. Неработающая и неучащаяся молодежь в возрасте 15–29 лет, ищущая работу 12 месяцев и более

Источник: Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М.: Статкомитет СНГ, ЮНФПА, 2018. С. 134.

Безработица на ранних стадиях трудовой карьеры может привести к возникновению замкнутого круга – снижению способности к трудоустройству, стигматизации со стороны работодателей и утрате приобретенных знаний и навыков.

Диаметрально противоположные демографические ситуации в России (старение и уменьшение численности населения) и государствах Центральной Азии (бурный рост населения при переизбытке рабочей силы) создают объективные предпосылки для сохранения нынешнего миграционного вектора в сторону России на длительную перспективу (табл. 2.3).

Таблица 2.3. Динамика численности населения России и государств Центральной Азии с 1989 (последней переписи населения СССР) по 2050 гг., млн чел.

Страны	1989	2000	2011	2025*	2050*
Россия	147,4	146,9	142,8	139,0	126,2
Казахстан	16,5	14,9	16,6	18,7	21,7
Киргизия	4,3	4,9	5,6	6,6	8,1
Таджикистан	5,1	6,1	7,5	9,6	13,4
Туркмения	3,5	4,8	5,1	5,9	6,6
Узбекистан	19,9	24,5	28,6	34,5	42,0

* прогноз.

Источник: Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014. С. 42.

Вопросы адаптации и интеграции трудовых мигрантов неизбежно выходят на первое место в миграционной политике России. В связи с этим необходимо искать механизмы, которые обеспечили бы межконфессиональное и межнациональное согласие прибывающих людей и принимающего сообщества. Все это неизбежно ведет к возникновению проблем ассимиляции и комплекса ментальных проблем, требующих выработки гибких решений на государственном уровне. В России, в отличие от Европы (где интеграция не ограничивается только мерами социализации, содействия установлению добрососедских отношений между мигрантами и принимающим сообществом), фокус внимания явно смещен в сторону поиска инструментов для снятия социального напряжения в обществе. Эта позиция четко прослеживается и в законопроекте «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации», который был зарегистрирован ФМС РФ 28 февраля 2014 г.⁸² По сути, в России это первый самостоятельный нормативный документ по решению проблем интеграции мигрантов. Концептуальная особенность законопроекта состоит в том, что процесс интеграции мигрантов подразумевает, прежде всего, противодействие межнациональным конфликтам и их профилактику. Европейский же подход, напротив, направлен на создание равных возможностей для долгосрочных легальных мигрантов, которые рассматриваются как потенциальные граждане страны пребывания. Таким образом, «если исходить из представления об интеграции как о процессе, то российское законодательство в нынешнем виде не предусматривает постепенного встраивания мигрантов в принимающее сообщество. Другими словами, для осуществления желаемой трансформации идентичности нет времени»⁸³.

В России фиксируется традиционно высокий уровень неприятия работников из других стран – такой настрой в 2017 г. продемонстрировало 53% населения (за последние 3 года этот показатель увеличился более чем на 10 п.п.). С учетом значимости российского рынка труда для стран ЕАЭС и в целом для региона СНГ этот тренд является серьезной проблемой не только экономического, но и гуманитарного характера, что может негативно отразиться и на России, и на ЕАЭС⁸⁴, где в среднем 77% населения поддерживает свободу передвижения, трудоустройства, проживания и обучения на территории Союза.

⁸² Сайт Федеральной миграционной службы России. www.fms.gov.ru/documentation/865/details/81610/.

⁸³ Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинова Ю.К. и др. Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014. С. 130.

⁸⁴ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. С. 14.

По данным Института социально-политических исследований РАН, от 32 до 52% жителей столицы РФ не поддерживают или скорее не поддерживают трудовую мобильность внутри Евразийского союза. Чем дальше культурная дистанция, тем менее желательны мигранты. Так, если трудовую миграцию из Белоруссии поддерживает 60% опрошенных, то из Киргизии – 44%, а из Таджикистана – 39%. За последние 2–3 десятилетия в 2,9 раза выросло число тех, кто плохо относится к людям других национальностей. Каждый третий–четвертый из 10 опрошенных мигрантов из государств-членов ЕАЭС во время своего пребывания в Москве ощущал дискомфорт, сталкивался с дискриминацией. Чаще всего это были мигранты из Казахстана (30 и 48% соответственно) и Киргизии (36 и 46%)⁸⁵. В результате «человеческий капитал решившегося на переезд, который часто подразумевает энергичность, амбициозность, силу духа, предприимчивость, тратится не столько на результативную и эффективную работу, сколько на адаптацию к тяжелым условиям труда и существования»⁸⁶.

В последние годы востребованность российского рынка труда постепенно снижается, особенно в Таджикистане (с 53% в 2015 г. до 37% в 2017 г.), Молдавии (с 27 до 17%), Киргизии (с 38 до 30%). Миграционные потоки из Центральной Азии перенаправляются в сторону Турции, ОАЭ, Саудовской Аравии, Южной Кореи и других стран⁸⁷. Такая тенденция в совокупности с неприятием россиянами иностранных работников может привести к еще более сильному снижению притяжения этих стран к России и в других сферах. Все это оказывает влияние не только на экономическую жизнь, но и на цивилизационный вектор развития стран региона, поскольку трудовые мигранты потенциально могли бы стать «связующим мостом» в отношениях с новыми географическими партнерами, каналом новых социокультурных взаимодействий⁸⁸.

В целом тернистый путь евразийской интеграции позволяет предположить, что ее дальнейшее продвижение и углубление вряд ли возможно без учета вопросов социальной справедливости, прочности и качества социального и человеческого капитала, который становится особо значимым ресурсом в эпоху широкомасштабной цифровизации экономики и от которого в конечном счете зависит судьба современных интеграционных процессов на евразийском пространстве.

⁸⁵ Осадчая Г.И. Указ. соч.

⁸⁶ Орлова Н.А. Нестандартные формы занятости как фактор изменения человеческого капитала: анализ неквалифицированной трудовой миграции в Россию. Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 168.

⁸⁷ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. С. 14.

⁸⁸ Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на десять лет вперед. С. 31.

Глава 3

Внутренняя неоднородность торговой связанности ЕАЭС в контексте многовекторности торговых отношений стран-участниц

Торгово-экономическая связанность стран как фактор региональной интеграции

При оценке эффективности евразийской интеграции важное значение имеет связанность этого пространства и динамика развития торгово-экономических связей как внутри союза, так и за его пределами. О сравнительно слабой вовлеченности ЕАЭС в мировую торговлю товарами свидетельствует его низкая доля в мировом экспорте (3,3%), которая заметно ниже доли в мировом ВВП (4,1%), а крайне низкий *уровень связанности* (определяемый нами как отношение внутрирегионального экспорта к экспорту в третьи страны) – лишь 0,11 – значительно уступает практически всем основным региональным интеграционным объединениям. Международный опыт показывает, что для создания конкурентоспособных предприятий и, как следствие, повышения устойчивости стран к внешним шокам на начальном этапе интеграции крайне важным является создание более благоприятных условий для производителей в рамках определенного регионального объединения. Регионы с наиболее конкурентоспособным на внешних рынках производством – ЕС и АСЕАН – имеют наиболее высокие относительные показатели внутрирегиональной торговли⁸⁹. По оценкам ЕБРР, развитие экспорта в пределах региона ЕАЭС впоследствии может стать первым шагом к его расширению в глобальных масштабах⁹⁰.

Для оценки степени и интенсивности экономического взаимодействия стран ЕАЭС в 2013–2017 гг. использовался *коэффициент торгово-экономической связанности* (КТЭС), который исчисляется как отношение стоимостных объемов взаимного товарооборота к суммарному ВВП (в текущих ценах) взаимодействующих стран и умножения полученной величины на 100. Этот коэффициент позволяет соизмерить связь роста экономики и взаимной торговли стран-партнеров. Косвенно он отражает уровень комплементарности (взаимодополняемости) экономик, причем как на двусторонней основе, так и в разрезе интеграционных объединений. КТЭС во многом является результатом уровня технико-экономического развития и кооперации взаимодействующих стран, особенностей их географического положения («эффекта соседства») и развития трансграничной транспортной инфраструктуры. Анализ динамики КТЭС позволяет также оценить направленность процессов неформальной интеграции (на примере торговых связей) рассматриваемых стран. Для этого были выбраны все возможные 10 взаимодействующих пар стран в рамках ЕАЭС (табл. 3.1).

Следует отметить, что за рассматриваемый период в странах ЕАЭС наблюдались две разнонаправленные тенденции: 1) снижение стоимостных объемов внешней (взаимной) торговли в условиях замедления темпов роста (падения) экономики в 2013–2016 гг.; 2) возобновление роста объемов внешней (взаимной) торговли на фоне умеренного подъема экономики с 2017

⁸⁹ Пылин А.Г. Торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС в условиях глобальной нестабильности // Россия и Польша перед лицом общих вызовов: Материалы междунаро. науч. конф. 4–5 декабря 2017 г. / Отв. ред. к.э.н., в.н.с. И.С. Синицина. М.: ИЭ РАН, 2018. С. 320–322.

⁹⁰ Доклад о переходном процессе за 2012 год. Трансграничная интеграция. Европейский банк реконструкции и развития. One Exchange Square London EC2A 2JN Соединенное Королевство, 2012. С. 78.

г. Это позволяет одновременно оценить связанность соответствующих стран и регионов и ее устойчивость в разных внешнеэкономических условиях.

Таблица 3.1. Динамика КТЭС стран ЕАЭС–5 в 2013–2017 гг.

Пары стран	2013	2014	2015	2016	2017	Изменение, %
Белоруссия – Россия	1,657	1,724	1,909	1,942	1,973	19,1
Казахстан – Россия	0,941	0,884	0,971	0,889	0,920	–2,2
Казахстан – Киргизия	0,421	0,461	0,366	0,400	0,454	8,0
Белоруссия – Казахстан	0,301	0,319	0,236	0,226	0,320	6,4
Белоруссия – Киргизия	0,134	0,111	0,094	0,096	0,210	56,6
Армения – Россия	0,062	0,066	0,088	0,105	0,107	72,5
Киргизия – Россия	0,093	0,092	0,104	0,073	0,091	–2,1
Армения – Белоруссия	0,057	0,044	0,059	0,062	0,068	18,5
Армения – Киргизия	0,005	0,002	0,003	0,007	0,010	81,8
Армения – Казахстан	0,003	0,003	0,003	0,004	0,005	62,5
ЕАЭС-5 (ср. арифм.)	0,367	0,371	0,383	0,380	0,416	13,2

Рассчитано по: данные ITC. Trade Map, November 2018; IMF. World Economic Outlook Database, October 2018.

Проведенные расчеты показали, что за период 2013– 2017 гг. торгово-экономическая связанность ЕАЭС возросла на 13,2% и составила в среднем 0,416. Такая положительная динамика связанности в условиях меняющейся внешнеэкономической конъюнктуры косвенно свидетельствует о сохранении комплементарности и сравнительно высокой взаимозависимости стран евразийской пятерки. Наиболее высокие темпы прироста КТЭС отмечались в парах стран с участием Армении и Киргизии (Армения – Киргизия, Армения – Россия, Армения – Казахстан, Белоруссия – Киргизия и Армения – Белоруссия), которые вошли в Таможенный союз ЕАЭС в 2015 г. Во всех этих парах (за исключением Армения – Белоруссия) стоимостной объем товарооборота в 2017 г. значительно превысил исходный показатель 2013 г. (во всех остальных случаях товарооборот пока не достиг указанного показателя). Высокие темпы прироста КТЭС сохранились и в парах традиционных торговых партнеров Белоруссия – Россия и Казахстан – Киргизия. Небольшое сокращение показателя связанности произошло лишь в двух парах стран (Казахстан – Россия и Киргизия – Россия), что было обусловлено значительным (на $\frac{1}{3}$) сокращением стоимостных объемов их взаимной торговли.

Повышение вклада евразийской интеграции в экономический рост и устойчивость к неблагоприятным внешним факторам ограничивается сравнительно слабой и весьма дифференцированной связанностью между отдельными странами внутри ЕАЭС. По нашим расчетам, в 2017 г. наиболее *высокий уровень* торгово-экономической связанности (0,454–1,973) наблюдался в трех парах стран с общими границами: Белоруссия – Россия, Казахстан – Россия и Казахстан – Киргизия; *средний уровень* (0,107–0,320) – в парах Белоруссия – Казахстан, Белоруссия – Киргизия и Армения – Россия, а *наименьший* (0,091 и ниже) – в паре Киргизия – Россия и в трех парах стран с участием Армении (Армения – Белоруссия, Армения – Киргизия и Армения – Казахстан), что отчасти обусловлено отсутствием общих границ республики с другими странами объединения и нахождением ее в транспортной блокаде со стороны некоторых соседей. В этой связи требуется выработка подходов и механизмов, направленных на

повышение связанности, прежде всего, Армении с другими странами – участницами объединения путем решения соответствующих транспортно-логистических проблем⁹¹.

За рассматриваемый период торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС с Евросоюзом сократилась на 39,1% и составила в среднем 0,277. Снижение связанности с ЕС произошло во всех странах евразийской пятерки, причем наиболее сильное – в России, Казахстане и Белоруссии, у которых при этом отмечался наиболее высокий КТЭС с Евросоюзом среди стран – участниц ЕАЭС. Оно произошло преимущественно в 2013–2016 гг., но начавшееся восстановление этого показателя в 2017 г. не компенсировало произошедшее падение. Снижение связанности с ЕС у Армении и Киргизии не было таким критичным в виду сравнительно небольшого падения стоимостных объемов их взаимной торговли – на 8–22%, тогда как у трех крупнейших стран объединения такое падение составило 31–46%. Причем у России снижение торгово-экономической связанности с Евросоюзом продолжилось и в 2017 г. (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Динамика КТЭС стран ЕАЭС–5 с КНР и ЕС в 2013–2017 гг.

Пары стран	2013	2014	2015	2016	2017	Изменение, %
Россия – Китай	0,744	0,701	0,504	0,529	0,632	–15,1
Казахстан – Китай	0,230	0,160	0,093	0,069	0,086	–62,7
Белоруссия – Китай	0,034	0,015	0,027	0,022	0,025	–25,2
Киргизия – Китай	0,015	0,011	0,009	0,014	0,013	–12,9
Армения – Китай	0,005	0,006	0,004	0,004	0,005	3,6
ЕАЭС – Китай (ср. арифм.)	0,206	0,179	0,127	0,128	0,152	–26,0
Россия – ЕС	1,844	1,650	1,135	1,125	1,118	–39,4
Казахстан – ЕС	0,302	0,282	0,188	0,145	0,172	–43,1
Белоруссия – ЕС	0,115	0,125	0,086	0,066	0,083	–28,1
Армения – ЕС	0,009	0,008	0,007	0,007	0,008	–3,9
Киргизия – ЕС	0,004	0,004	0,002	0,002	0,003	–19,1
ЕАЭС – ЕС (ср. арифм.)	0,455	0,414	0,284	0,269	0,277	–39,1

Рассчитано по: данные ITC. Trade Map, November 2018; IMF. World Economic Outlook Database, October 2018.

В 2013–2017 гг. торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС с Китаем также значительно сократилась (хотя и не так критично как с ЕС) – на 26,0%, и составила в среднем 0,152. Обращает на себя внимание наиболее сильное снижение связанности с КНР у Казахстана и, отчасти, у России. Только Армении удалось немного нарастить уровень связанности с КНР ввиду его крайне низких стартовых значений. Снижение связанности большинства стран ЕАЭС и Китая объясняется в основном более высоким наращиванием объемов китайской экономики, за которыми не успевают расти сравнительно невысокие торговые потоки, а также значительным снижением казахстанско-китайской и российскокитайской торговли. В 2015–2016 гг. по сравнению с 2012–2013 гг. экспорт из Казахстана в Китай упал на рекордные 68,6%, а поставки из России снизились на 21,1%.

⁹¹ Вардомский Л.Б. О динамике транзитных перевозок стран ЕАЭС // Мир перемен. 2018. № 2. С. 161–173.

Таким образом, торгово-экономическая связанность внутри ЕАЭС в среднем в 1,5 раза выше, чем связанность этого объединения с ЕС, и в 2,7 раза выше, чем с КНР. В условиях меняющихся внешних факторов и разнонаправленной экономической динамики 2013–2017 гг. связанность стран внутри ЕАЭС в целом увеличилась, тогда как таковая евразийской пятерки с ЕС и КНР – заметно снизилась, что свидетельствует о сохранении более высокой комплементарности экономик стран – участниц евразийской пятерки. Этому способствовало вступление в силу договора о создании Евразийского экономического союза и более диверсифицированная структура взаимной торговли в рамках ЕАЭС.

Трансформация внешнеторговых связей стран ЕАЭС: снижение доли ЕС и возрастание КНР

При оценке связанности евразийской интеграции важное значение имеет анализ структуры торгово-экономических связей как внутри объединения, так и за его пределами. В географической структуре внешней (и взаимной) торговли стран ЕАЭС можно выделить три основных вектора: 1) *европейский* – торговля со странами ЕС; 2) *азиатский* – торговля со странами Азии, прежде всего с Китаем; 3) *евразийский* – взаимная торговля внутри ЕАЭС.

За период 2013–2018 гг. произошли значительные изменения в структуре внешней торговли стран ЕАЭС (с учетом падения их стоимостных объемов в 2013–2016 гг. и возобновления роста в 2017–2018 гг.). Во всех странах региона заметно сократилась доля торговли с ЕС и увеличилась доля торговли с ЕАЭС (за исключением Киргизии). При этом вступление Армении в ЕАЭС (со 2 января 2015 г.) способствовало усилению торгового взаимодействия республики с евразийским объединением, прежде всего за счет значительного роста армянского экспорта. В результате для Армении рынки ЕС и ЕАЭС стали вполне сопоставимы по своему объему, но остаются разными по товарной структуре⁹².

Внешняя торговля стран евразийской пятерки с КНР носила неоднозначный характер. При общем опережающем росте импорта китайских товаров, которые в значительной степени замещают европейские на внутренних рынках государств ЕАЭС, странам региона (за исключением России) пока не удастся добиться устойчивых темпов роста экспорта своих товаров в Китай. В то же время по итогам 2018 г. товарооборот РФ с КНР превысил докризисные (88,7 млрд долл. в 2013 г.) показатели и достиг 108,3 млрд долл., причем впервые с положительным сальдо (3,8 млрд долл.) в пользу России. Кроме того, на этапе восстановления объема внешней торговли российский экспорт в ЕАЭС также рос опережающими темпами по сравнению со встречным импортом, что привело к существенному улучшению условий торговли для РФ⁹³ (табл. 3.3).

В 2013–2018 гг. произошли заметные изменения в товарной структуре взаимной торговли государств ЕАЭС, что во многом стало результатом формирования отраслевой специализации стран-участниц. В трех крупнейших странах региона (ЕАЭС–3) возросла доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (особенно в Белоруссии), а также сократилась доля минеральных продуктов, что во многом стало результатом падения мировых цен на топливно-сырьевые товары и замедления (спада) экономической активности в странах объединения. При этом в Казахстане значительно возросла доля продукции химической промышленности, металлов и изделий из них. В то же время в Белоруссии и Казахстане снизилась

⁹² Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю. Экономика Армении: идеи, модели и результаты развития: научный доклад / Под общей ред. Л.Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2016.

⁹³ Так, например, положительное сальдо торговли России с Белоруссией в 2013 г. составляло 6,1 млрд долл. (в 2016 г. – 4,5 млрд долл.), а в 2018 г. оно возросло до 9,6 млрд долл.

доля машин, оборудования и транспортных средств, тогда как в России – немного возросла (табл. 3.4).

Таблица 3.3. Географическая структура внешней торговли товарами стран ЕАЭС (%)

Страны		ЕС–28			ЕАЭС–5			КНР		
		2013	2015	2018	2013	2015	2018	2013	2015	2018
Армения	экспорт	33,4	27,8	28,4	23,7	17,2	28,5	4,7	11,1	4,5
	импорт	26,4	24,1	23,1	24,3	29,9	26,2	8,8	9,8	13,4
	оборот	28,2	25,3	24,8	24,2	25,9	28,8	7,8	10,2	10,5
Белоруссия	экспорт	28,1	32,1	30,2	47,9	41,3	41,2	1,2	2,9	1,4
	импорт	24,4	19,3	18,6	53,5	56,8	59,2	6,6	7,9	8,2
	оборот	26,1	25,3	24,0	50,9	49,5	50,8	4,1	5,6	5,0
Казахстан	экспорт	54,5	53,2	50,2	7,8	11,1	10,6	17,0	11,9	12,0
	импорт	18,6	22,5	19,6	39,0	36,7	41,7	17,1	16,6	16,0
	оборот	41,3	40,9	38,6	19,2	21,3	22,8	17,0	13,8	13,5
Киргизия	экспорт	3,7	3,5	13,8	30,9	27,7	31,7	2,2	2,5	5,4
	импорт	10,6	7,9	6,7	44,5	49,2	41,3	23,9	25,3	33,5
	оборот	9,1	6,7	8,7	41,4	43,6	38,4	19,0	19,3	25,5
Россия	экспорт	53,8	48,2	45,5	7,8	8,3	8,4	6,8	8,3	12,5
	импорт	42,6	38,4	37,5	6,4	7,6	7,7	16,9	19,1	21,9
	оборот	49,6	44,8	42,7	7,3	8,1	8,1	10,5	12,1	15,7

Примечание. Казахстан и Киргизия – 2017 г.

Рассчитано по: данные Национальной статистической службы Республики Армения; Национального статистического комитета Республики Беларусь; ФТС России; ИТС. Trade Map. November 2018.

Таблица 3.4. Товарная структура взаимной торговли стран ЕАЭС–3 в 2013–2018 гг. (%)

Товарные группы	Белоруссия			Казахстан			Россия		
	2013	2015	2018	2013	2015	2018	2013	2015	2018
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольственные товары и с/х сырье	27,3	35,1	32,4	8,4	9,3	9,0	7,1	8,4	8,4
Минеральные продукты	6,6	5,3	2,1	40,6	42,0	36,6	43,1	43,0	37,7
Продукция химической промышленности	10,7	11,5	11,8	8,1	20,3	15,0	9,9	10,4	11,4
Кожевенное сырье, пушнина	0,2	0,2	0,4	0,2	0,2	0,1	0,3	0,2	0,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,3	2,8	3,2	0,1	0,2	0,3	2,4	2,8	3,0
Текстиль, текстильные изделия и обувь	7,0	6,8	8,2	2,2	2,4	1,0	2,0	1,8	1,9
Металлы и изделия из них	7,4	6,4	7,1	24,2	17,0	30,7	13,7	11,4	12,9
Машины, оборудование и транспортные средства	31,4	25,0	29,0	9,8	3,8	6,3	17,3	15,9	17,8

Примечание. ЕЭК определяет объемы взаимной торговли товарами государств – членов ЕАЭС как суммарный стоимостной объем экспортных операций государств – членов Союза во взаимной торговле.

Составлено по: данные Евразийской экономической комиссии.

Относительное снижение роли белорусской и казахстанской машинотехнической продукции во взаимной торговле стран ЕАЭС во многом обусловлено снижением спроса на нее со стороны России. В 2013–2017 гг. доля стран ЕАЭС на машинотехническом рынке России сократилась как в относительных (с 3,7 до 3,1%), так и в абсолютных (с 5,7 до 3,4 млрд долл.) значениях. В то же время России удалось увеличить свою долю на рынках машинотехнической продукции стран ЕАЭС – в среднем с 16,3 до 22,2%, хотя в абсолютных показателях наблюдалось некоторое снижение (с 7,3 до 6,1 млрд долл.). Кроме того, во всех странах ЕАЭС усилились позиции машинотехнической продукции из КНР – в среднем с 20,4 до 25,4%, в том числе в России – с 18,2 до 25,9%⁹⁴. На ввоз машин и оборудования из Китая наиболее быстрыми темпами переориентируется РФ, что при прочих равных условиях объясняется действующими санкционными ограничениями в поставках соответствующей продукции из стран Запада (ЕС и США). Эти тенденции косвенно свидетельствуют по крайней мере о частичном вытеснении с российского рынка машинотехнической продукции из стран ЕАЭС китайскими товарами, что не соответствует заявленным целям евразийской интеграции относительно согласованной модернизации стран-участниц.

Значительное наращивание торгового взаимодействия стран ЕАЭС с КНР (в том числе за счет роста импорта китайских машин и оборудования) во многом связано с притоком в регион китайских инвестиций⁹⁵. За период 2013–2017 гг. накопленные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) из Китая в странах ЕАЭС (без России) увеличились с 6,5 млрд долл. (или 4,3% от общих накопленных ПИИ) до 11,1 млрд долл. (или 6,3%), причем наибольший прирост китайских прямых инвестиций отмечался в Белоруссии (со 118 до 268 млн долл.), Казахстане (с 5,7 до 9,4 млрд долл.) и Киргизии (с 0,7 до 1,4 млрд долл.)⁹⁶. Активизация инвестиционного сотрудничества Белоруссии и КНР обусловлена вложениями китайских партнеров в белорусский индустриальный парк «Великий камень», а также в совместное предприятие по сборке легковых автомобилей Geely. В Киргизии присутствие китайских инвесторов в нефтепереработке и золотодобывающей промышленности было расширено запуском новых проектов в строительном комплексе. Китайские ПИИ в Казахстане традиционно сосредоточены в топливном комплексе, но уже в конце 2016 г. в рамках программы по переносу производственных мощностей из Китая в Казахстан был открыт совместный завод по переработке масличных культур⁹⁷.

Концептуальные подходы ЕС и КНР к связанности в Евразии

Стратегическое видение развития процессов евразийской интеграции и связанности существенно различается у двух ключевых внешних игроков – Евросоюза и Китая. Как известно, руководство КНР еще осенью 2013 г. выдвинуло инициативу «Один пояс – один путь», которая предполагает масштабные китайские инвестиции в инфраструктуру стран Цен-

⁹⁴ Расчеты автора по данным ИТС. TradeMap, November 2018.

⁹⁵ См. подробнее: Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018; Хейфец Б.А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. СПб.: Алетейя, 2019. С. 190–205.

⁹⁶ Расчеты автора по данным на конец года. IMF. Coordinated Direct Investment Survey (CDIS).

⁹⁷ Кузнецов А.В., Володин А.Г. и др. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 45–48.

тральной Азии и ЕАЭС, создание необходимых условий для последующего выхода на рынки этих стран и Европы. В мае 2015 г. было принято совместное заявление России и Китая о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП)⁹⁸, что свидетельствовало о стремлении двух стран к координации своей деятельности на пространстве евразийской интеграции. Через три года было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (Астана, 17 мая 2018 г.).

В данном Соглашении рассматривается ряд вопросов, которые направлены на повышение эффективности взаимодействия между ЕАЭС и Китаем. Среди них следует выделить: повышение транспарентности и работа по взаимному признанию стандартов, технических регламентов и процедур оценки соответствия; совершенствование таможенного сотрудничества и упрощение процедур торговли; защита прав интеллектуальной собственности; регулирование электронной коммерции; взаимовыгодное развитие отраслевого сотрудничества в сфере сельского хозяйства, энергетики, транспорта, промышленной кооперации, информационно-коммуникационной инфраструктуры, технологий и инноваций, финансов и окружающей среды, а также другие вопросы⁹⁹.

Однако, несмотря на подписанные совместные документы, интересы стран-участниц евразийской интеграции и Китая не во всем совпадают¹⁰⁰. Страны ЕАЭС стремятся диверсифицировать свои экономики за счет развития несырьевых отраслей, а КНР заинтересована в развитии в этих странах для своих нужд производства минерального и растительного сырья, рынков сбыта разнообразной китайской продукции. Кроме того, Китай (часто, как и сами страны-участницы ЕАЭС в отношении КНР) заинтересован преимущественно в выстраивании двустороннего сотрудничества со странами евразийской пятерки.

Подходы Евросоюза к развитию сотрудничества со странами ЕАЭС косвенно реализуются через проект «Восточное партнерство» и соглашения об ассоциации (СА). Как известно, в мае 2009 г. была принята совместная декларация по вопросам «Восточного партнерства» и состоялось его официальное учреждение. Целью данного проекта является развитие интеграционных связей ЕС с шестью странами постсоветского пространства (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина). В июне 2014 г. Евросоюз подписал СА с тремя постсоветскими странами – Грузией, Молдовой и Украиной. В ноябре 2017 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Европейским союзом и Арменией (СЕРА), что позволит республике активизировать политический диалог и экономические отношения с ЕС.

В сентябре 2018 г. была принята общая концепция Евросоюза в отношении развития сотрудничества в Евразии – «Связывая Европу и Азию» («Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy»)¹⁰¹. Этот документ основывается на собственном опыте ЕС по расширению связей между его государствами-членами и другими регионами. При этом сама связанность (connectivity) в европейском понимании должна быть устойчивой, всеобъемлющей и основываться на международных правилах.

⁹⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». Москва, 8 мая 2015 г. kremlin.ru/supplement/4971.

⁹⁹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417818/iatc_21052018.

¹⁰⁰ Вардомский Л.Б. Размышления о Большой Евразии // Мир перемен. 2018. № 3. С. 187–189.

¹⁰¹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy”. Brussels, 19.9.2018. ec.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en.

Исходя из этого, ЕС будет взаимодействовать со своими соседями и азиатскими партнерами по трем основным направлениям¹⁰²:

1) способствуя эффективным связям и сетям между Европой и Азией через развитие приоритетных транспортных коридоров, цифровых сетей и энергетическое сотрудничество;

2) устанавливая партнерские отношения в целях обеспечения связи на основе общепринятых правил и стандартов, обеспечивающих лучшее управление потоками товаров, людей, капитала и услуг;

3) внося свой вклад в устранение значительных инвестиционных ограничений за счет улучшения мобилизации ресурсов, усиления использования финансовых ресурсов ЕС и укрепления международного партнерства.

Однако в данной концепции очень слабо прописаны возможные форматы сотрудничества ЕС с Евразийским экономическим союзом как с международной организацией. ЕАЭС лишь единожды (в сноске) упоминается в документе (раздел «Региональное сотрудничество»), где указано, что в соответствующих случаях ЕС может взаимодействовать на техническом уровне с ЕАЭС и его государствами-членами с целью достижения более тесного сближения их технических регламентов и стандартов с международными¹⁰³.

Вместе с тем практическая важность взаимодействия ЕС и ЕАЭС, как крупных интеграционных проектов в регионе континентальной Евразии, осознается сегодня и в Евросоюзе, и в России. Однако выработать формат сочетания (сопряжения, гармонизации) двух интеграций на практике пока не удастся, хотя определенные подходы уже разрабатываются на экспертном уровне. Важными политическими решениями можно считать в этом плане новое соглашение ЕС–Армения, учитывающее членство страны в ЕАЭС, и инициативы для Белоруссии. Необходимо также поддерживать трехсторонние переговорные форматы на министерском уровне между представителями ЕС – ЕАЭС – «Восточными партнерами» по вопросам взаимной торговли, транзита ресурсов из стран СНГ в Европу в рамках широкого энергетического диалога.

Но прорывные решения – это, скорее всего, вопрос будущего. Не исключено, что сопряжение европейской и евразийской интеграций будет происходить под влиянием китайского мегапроекта – ЭПШП, в котором постсоветскому пространству отводится место инфраструктурного моста в торговле Китая с Евросоюзом.

В заключение следует отметить, что Россия заинтересована в опережающем росте взаимной (внутренней) торговли и ее диверсификации в рамках ЕАЭС. Это будет способствовать увеличению плотности (связанности) евразийской интеграции, равно как и наращивание взаимных инвестиций и реализация совместных (в том числе транспортных) проектов. Одной из целей разрабатываемой в России национальной программы в сфере развития международной кооперации и экспорта является формирование эффективной системы разделения труда и производственной кооперации в рамках ЕАЭС¹⁰⁴. В этой связи для сохранения и наращивания связанности евразийской интеграции в средне- и долгосрочной перспективе требуется более тесная координация и согласование национальных программ развития в целях повышения конкурентоспособности и модернизации стран – участниц объединения. Исчерпание прежних моделей экономического развития должно стать мощным стимулом к совместному поиску новых драйверов роста экономики.

¹⁰² Ibid. Pp. 2–3.

¹⁰³ Ibid. P. 8.

¹⁰⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». www.kremlin.ru/acts/bank/43027.

Глава 4

Пространство евразийской интеграции: динамика связанности, ее факторы, сценарии возможного развития ¹⁰⁵

Для оценки хода интеграционного процесса в данном случае используется понятие «экономическая связанность». В научной литературе оно обычно применяется для инфраструктурной характеристики регионализации и трансрегионализации, оценки соответствия уровня развития инфраструктуры задачам международного экономического сотрудничества ¹⁰⁶. В нашем исследовании понятие «связанности» экономики имеет более широкий смысл. Под ней понимается уровень взаимодействия экономик интегрирующихся стран, в котором выделяются институциональные, торговоэкономические и социальные аспекты. Они соответствуют понятиям «формальной» и «неформальной» интеграции, предложенным Е. Винокуровым и А. Либманом. Формальная интеграция (интеграция сверху) связана с созданием государственных и международных институтов. Результатом определенного уровня связанности является формирование общего экономического пространства или отдельных отраслевых пространств, деятельность которых регулируется соответствующими интеграционными институтами. Но параллельно протекают процессы интеграции, обусловленные деятельностью бизнеса и трансграничными связями населения. В представлении упомянутых ученых – это «спонтанная активность «снизу», продиктованная законами рынка и культурными традициями», своего рода неформальная интеграция, или интеграция снизу ¹⁰⁷. Но при этом субъекты рынка и население в своем взаимодействии используют правовые возможности, заложенные в интеграционных институтах. Таким образом, в интеграционном процессе «связанность» отражает результаты регуляторной деятельности в виде динамики экономических и социальных взаимодействий на пространстве международной кооперации.

О некоторых особенностях динамики экономической связанности евразийского пространства в 2009–2018 гг

Деятельность ЕЭК в рассматриваемый период концентрировалась на устранении барьеров на пути взаимной торговли путем принятия Таможенного кодекса ЕАЭС, ¹⁰⁸ тарифных и нетарифных барьеров, переходе к единым техническим регламентам, расширении сферы использования во взаимных расчетах национальных валют ¹⁰⁹. Институциональная связанность стран, однако, не сопровождалась ростом физической связанности национальных экономик, выражаемой объемами взаимной торговли. Бурный рост взаимной торговли после установления режима Таможенного союза с 50,1 млрд долл. в 2010 г. до 66,5 млрд долл. в 2011 г. в 2012

¹⁰⁵ Под евразийским пространством в главе понимаются пять государств – членов ЕАЭС.

¹⁰⁶ ASEF Outlook 2016/ 2017 / Connectivity: Fact and Perspectives. Volume II: Connecting Asia and Europe/ ASEF. Singapore. 2016. asef.org/images/docs/ASEF%20Outlook%20Report%202016-2017%20Vol1.pdf; Understanding the Theory of International Connectivity. Report. Oxera. Department for Transport. Oxford-Brussels. 2010. www.oxera.com/wp-content/uploads/2018/03/Theory-of-international-connectivity.pdf.

¹⁰⁷ Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. СПб.: ЕАБР, 2012. С. 7.

¹⁰⁸ Первая редакция ТС вступила в силу 1 января 2010 г., а новая версия – с 1 января 2018 г.

¹⁰⁹ Национальные валюты во взаимных расчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы. Доклад №48. СПб.: ЕАБР. Центр интеграционных исследований, 2018. С. 19.

г. замедлился, а затем – до 2016 г. – сменился ее сокращением¹¹⁰ (табл. 4.1). В 2017 г. объем взаимной торговли начал расти и в 2018 г. достиг почти 60 млрд долл.¹¹¹

Таблица 4.1. Динамика торговой связанности стран ЕАЭС в абсолютном и относительном выражении

Годы	Объем взаимной торговли, млрд долл. (5 стран)	Общий номинальный ВВП 5 стран, млрд долл.	Отношение взаимной торговли к общему номинальному ВВП, %	Общий ВВП по ППС 5 стран, млрд долл.	Отношение взаимной торговли к общему ВВП по ППС, %
2009	39,0	1402,7	2,78	3241	1,20
2010	50,1	1744,4	2,87	3434	1,46
2011	66,5	2323,7	2,86	4026	1,65
2012	72,2	2484,5	2,91	4274	1,69
2013	69,2	2628,2	2,63	4385	1,58
2014	61,2	2404,9	2,54	4422	1,38
2015	45,6	1631,6	2,79	4281	1,07
2016	43,0	1489,8	2,89	4310	1,00
2017	54,7	1814,3	3,01	4524	1,21
2018	59,7	1914,0	3,12	—	—

Рассчитано по: данные интернет-ресурсов: WorldBank.Opendata.1960–2017.data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=; ЕЭК. Статистика ЕАЭС. Статистика внешней и взаимной торговли. Январь–декабрь 2018 г. и прошлые периоды. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств за 2011 и 2013 гг. М.: Межгосударственный статкомитет СНГ, 2011, 2013.

Отсутствие ярко выраженного тренда на рост торговоэкономической связанности отражают и относительные показатели, приведенные в табл. 4.1, которые, в моем представлении, более адекватно отражают уровень и динамику торгово-экономической связанности. При этом динамика относительной связанности, выраженная через отношение взаимной торговли к общему ВВП, взятому по номиналу и по ППС 5 стран Союза, в основном повторяет динамику взаимной торговли¹¹². Это свидетельствует о том, что агенты общего рынка ЕАЭС или неформальной интеграции пока не могут в полной мере использовать преимущества свободной межгосударственной торговли при общей внешней таможенной границе.

¹¹⁰ Речь идет о суммарном объеме взаимного экспорта пяти стран ЕАЭС.

¹¹¹ Оценивая эту динамику, следует учитывать, что на стоимостной объем взаимной торговли ЕАЭС в текущих долларах сильное влияние оказывает динамика внешнеторговых цен и курсов национальных валют.

¹¹² Для сравнения: относительные показатели торгово-экономической связанности стран ЕС многократно превышают показатели ЕАЭС. В 2017 г. внутренний экспорт ЕС относительно общего ВВП по ППС составил 17,89%, а относительно ВВП в текущих ценах – 19,77% (*рассчитано по:* интернет–данные ВТО – World Trade Statistical Review 2018. WTO. Geneva. 2018. P. 74. www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf; World Bank. Open data. 1960–2017. data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=).

Данные западных исследований свидетельствуют о том, что самоподдерживаемый рост внутрирегиональной торговли начинается с порога в 25%¹¹³. В ЕАЭС ее доля, как отношение взаимного экспорта ко всему экспорту 5 стран, показала увеличение с 10,5% в 2009 г. до 11,4% в 2012 г. и 14,1% в 2017 г. В 2018 г. этот возрастающий тренд был прерван в результате снижения этого показателя до 12,2%.

Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли увеличивалась в 2014–2016 гг. на фоне более сильного спада последней. Но она была значительно ниже упомянутого количественного критерия, равно как и у большинства других региональных интеграционных объединений стран догоняющего типа развития. Только у ЕС и НАФТА доля внутрирегиональной торговли сильно превышает данный критерий, в 2017 г. соответственно 64 и 50%¹¹⁴.

Для ЕАЭС с небольшим числом внутриконтинентальных стран с низкой в среднем «экономической плотностью» и заселенностью, разделенных большими расстояниями при слабо развитой транспортной инфраструктуре, с громадными различиями по размерам экономики и емкости национальных рынков 25%-ный критерий в обозримом будущем недостижим. Но если долю региональной торговли соотнести с числом стран – участниц интеграционного объединения, то этот показатель у ЕАЭС – 2,9% – будет выше, чем у ЕС – 2,3%, но ниже, чем у МЕРКОСУР – 3,2% на одну страну-участницу.

Доля внутрирегиональной торговли во внешней торговле в Армении, в Белоруссии и Киргизии превышает 25%-ный критерий, а в Казахстане она приближается к нему. Отметим, что во всех странах, за исключением Киргизии, в период 2015–2017 гг. доля взаимной торговли увеличивалась, но в 2018 г. этот показатель понизился (табл. 4.2). В РФ он заметно ниже, в рассматриваемый период он не превышал 9%, при том, что на нее приходится 62–63% взаимной торговли. В 2018 г. доля взаимной торговли во внешнеторговом обороте РФ снизилась до 8,1%.

Таблица 4.2. Изменение доли взаимной торговли в странах ЕАЭС в 2009–2018 гг.

¹¹³ Зевин Л.З. Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2009. С. 9.

¹¹⁴ World Trade Statistical Review 2018. Geneva: WTO, 2018. P.74.

Годы	Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли стран ЕАЭС, %				
	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия
2009	18,7	47,9	19,0	34,0	8,1
2010	22,1	48,5	23,2	29,1	7,4
2011	21,5	46,4	18,2	39,4	7,5
2012	24,6	48,4	18,0	32,7	8,0
2013	27,4	50,7	18,4	40,6	7,5
2014	24,6	50,3	16,5	41,2	7,2
2015	26,3	49,5	20,8	44,3	8,1
2016	29,0	52,3	22,2	37,2	8,8
2017	29,6	52,5	22,8	38,4	9,0
2018	28,3	50,9	20,4	35,1	8,1

Рассчитано по: данные интернет-ресурса: ЕЭК. Статистика ЕАЭС. Статистика внешней и взаимной торговли. Январь–декабрь 2018 г. www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. М.: Межгосударственный статкомитет СНГ (за разные годы).

В целом же в странах ЕАЭС отмечается следующая закономерность – на фоне спада экономического роста и внешнеторговой активности доля взаимной торговли увеличивается, а на фоне роста – сокращается.

Торгово-экономическая связанность экономик стран ЕАЭС многократно слабее, чем в ЕС. В расчете на душу населения объем взаимной торговли стран ЕАЭС в 2017 г. составил около 300 долл., что было больше, чем в МЕРКОСУР – 183 долл., но меньше, чем в АСЕАН – 480 долл. Но все они сильно уступают ЕС с почти 7400 долл. на одного жителя¹¹⁵. Последнее объясняется исторически широкой включенностью стран Европы в международные экономические отношения и бурным развитием транснациональными компаниями на пространстве ЕС трансграничных цепочек добавленной стоимости в рамках внутрифирменной кооперации и аутсорсинга, многократно пересекающих границы стран-участниц.

Сравнительно небольшие объемы взаимной торговли ЕАЭС обусловлены примитивизацией производства, произошедшей в странах после распада СССР, и рыночной трансформацией, вызвавшими сжатие материальной базы взаимной торговли¹¹⁶. Рост взаимных торговых потоков сдерживало также вступление России (2012 г.) и Казахстана (2015 г.) в ВТО на условиях, существенно понижавших изначально установленный внешний таможенный тариф, что повысило привлекательность на общем рынке ЕАЭС товаров, импортируемых из третьих

¹¹⁵ Рассчитано по: данные интернет-ресурса ВТО – World Trade Statistical Review 2018. WTO. Geneva. 2018. P. 74.

¹¹⁶ Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. К вопросу о модернизации экономики стран СНГ // Вестник Института экономики РАН. 2017. №1. С. 23.

Несогласованность экономических политик стран Союза отражается в импортозамещении, ставшим одним из главных направлений в промышленной политике России и других странах. Преодоление технологической отсталости национальной экономики и выход на траекторию ее стабильного роста невозможен без поддержки развивающихся отраслей мерами протекционистской политики, ограничения или запрета импорта продукции, составляющей конкуренцию местным товарам. Политика импортозамещения в РФ рассматривается в качестве существенного фактора развития экономики¹²¹. При этом на нее возложена и задача технологического переоснащения отраслей, что должно привести к росту добавленной стоимости и диверсификации экспорта. При этом экспорт продукции с более высокой добавленной стоимостью ориентируется в основном на рынки стран ЕАЭС и СНГ. Во многом благодаря такой политике положительное сальдо РФ в торговле с партнерами по ЕАЭС выросло за 2015–2017 гг. с 14,6 млрд долл. до 16,2 млрд долл. В 2018 г. сальдо достигло 19,3 млрд. долл. В конечном итоге такая несогласованность в национальном развитии приводит не только к диспропорциям во взаимной торговле России и ее партнеров, но и перепроизводству отдельных видов продукции на формирующемся общем рынке – со всеми вытекающими из этого негативными последствиями¹²²

С. 50–67.

¹²¹ Цухло С.В. Проблемы и успехи импортозамещения в российской промышленности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4. С. 147–158.

¹²² В частности, созданные в РФ мощности по производству труб большого диаметра в настоящее время в три раза превосходят внутренний спрос на них (Коммерсантъ. 2018. 30 нояб. С. 7). Тем не менее в Казахстане с помощью КНР строится крупный завод по производству труб большого диаметра, который ориентируется также на сбыт своей продукции в странах ЕАЭС. (Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2018. С. 23).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.